КРОКОДИЛ

АСТРОНОМЫ
ГЕОЛОГИ
МЕДИКИ
СОЮЗ-9
ФОТОГРАФЫ
РЕПОРТЁРЫ

МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ВПЕРЕД ИЛИ ПОСЛЕ

НАДО ПЛАТИТЬ ДЕНЬГИ ЗА РЕМОНТ В МАСТЕРСКИХ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ! ТАКОЙ ВОПРОС СТАВИЛСЯ В ФЕЛЬЕТОНЕ

ОБ ОДНОЙ БОЧКЕ

ОПУБЛИКОВАННОМ В ПЕРВОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» ЗА 1970 ГОД. РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА МНОГО ПИСЕМ, О КОТОРЫХ ИДЕТ РЕЧЬ НИЖЕ

Не знаю, может, кто за свои деньги и получает наслаждение. Но я за свои кровные чаще всего испытываю муки. Вот, скажем, сносились ботинки. Иду в мастерскую, плачу полтора рубля. В назначенный срок прихожу:

— Не готово.

— Как так?!

— Не готово.

— Ну как так? — говорю.— Мне в отпуск надо. В чем я поеду? Дайте,— говорю,— жалобную книгу.

— Берите,— отвечают,— и даже ручку можем дать.

Вот это и есть сфера обслуживания. Ее не то что книгой жалоб — ее целым министерством бытового обслуживания и то не прошибешь.

Впрочем, так оно и есть на самом деле. В начале года был опубликован в «Крокодиле» фельетон «Об одной бочке». В нем говорилось о том, что неплохо бы за ремонт всевозможного ширпотреба платить не вперед, а после ремонта. Это, мол, дисциплинировало бы мастеров.

И параллельно в Министерство бытового обслуживания РСФСР был направлен обзор писем читателей, в котором говорилось о не совсем внимательном отношении к заказчикам, как подтверждение вышесказанному. Это не совсем внимательное отношение где-то граничило с безобразием и еще неизвестно с чем. Ну, например, не будем голословны.

Москвич товарищ Гуляев сдал в августе прошлого года в ателье «100 услуг» перелицевать демисезонное пальто. Какое-то время его мытарили, простите за изысканное выражение, потому что в ателье не было подходящего воротника. Оказывается, ему вместо демисезонного пальто сшили зимнее. Вот удружили-то!

Наша читательница С. из города Костромы в октябре заказала в мастерской № 5 рейтузы традиционного темно-синего цвета. Обещали ей связать их к 20 ноября. Однако заказ был готов только 6 января, но вместо благородных темно-синих рейтуз ей вручили рейтузы ярко-оранжевого цвета. Какой ужас!

В общем, мало порядка в сфере обслуживания. И не случайно в «Крокодил» продолжают поступать отклики от читателей на фельетон «Об одной бочке».

Калужский рабочий Глумов довольно крепко потрепал свои нервы на почве обслуживания. Он купил за 263 рубля приемник «Романтика» и стал наслаждаться музыкой. Два месяца понаслаждался, потом приемник испортился. Что делать? Пришлось Глумову соприкоснуться с вышеуказанной сферой, а точнее, вызвать на дом мастера. Тот сам ничего сделать не смог и направил приемник в мастерскую.

Вот везет Глумов свой приемник в мастерскую, платит деньги, а там ему выписывают квитанцию за № 004113. И в квитанции срок ремонта указан: через девятнадцать дней.

Приходит товарищ Глумов в назначенный срок — ясное дело, не готово. Назначают новый срок — через полмесяца.

В общем, не спешат мастера. А почему не спешат — в этом как раз и заключается вопрос.

И это не только в Калуге не спешат. Нигде не спешат.

Москвичка Попова сдала в ателье № 10 швейной фабрики № 19 Свердловского района заказ: сшить для мальчика зимнее пальто. Она, конечно, знала фантастические темпы сферы обслуживания и отнесла материал аж в июле, когда было жаркое лето. Она надеялась, что уж к зиме-то мастера управятся. Однако жестоко просчиталась товарищ Попова. Прошли ноябрьские праздники, крещенские морозы подступают, а пальто все нет и нет. А в ателье № 10 даже озлобились на нетерпеливую заказчицу: швыряют телефонную трубку без всяких объяснений. Потому что там, повторяю, люди не спешат. А почему они не спешат — опять же никто не знает.

Ну, ладно. Это, так сказать, одна сторона медали — невыполнение заказа в срок. Зато, может быть, качество выполнения бывает хорошим, коли уж ждать приходится так долго?

К сожалению, и другая сторона медали тоже выглядит несколько мрачновато. Вот возьмем из нашей обширной почты первое попавшееся письмо, Нины Ивановны Забавиной из города Кольчугино.

Она рассказывает о том, как носила чинить свои валенки в мастерскую. Там ей, не говоря худого слова, насчитали 2 рубля 60 копеек и велели приходить через полмесяца. Не раньше. Ничего не сказала Нина Ивановна, только в душе слегка изумилась: в прошлом году здесь же точно такой же ремонт обошелся ей на 60 копеек дешевле. Но делать нечего.

Является она в указанный срок за валенками, и складывается тут такая роковая ситуация. Возле мастерской как раз остановка автобуса. И надо же, подкатывает нужный номер. А, как известно, автобусы тоже входят в сферу обслуживания. И мотают они нервы у пассажиров похлестче, чем любой мелкий ремонт. Поэтому наша Забавина ухватила поскорей свои валенки и помчалась за автобусом. Успела...

А дома глянула на то, что было отремонтировано, и ахнула. Черные валенки подшиты каким-то светлым войлоком, который расползается, как лапша. И, чтобы сделать несколько шагов по улице, нужно обязательно захватывать ножницы, дабы обрезать шерсть, которая сама собой вылезает в разные стороны. В общем, сплошное хамство со стороны сапожников. Заплатки, например, не поставили, а деньги за них, будьте уверены, взяли, по 23 копейки за штуку. И, как водится, вперед.

Так, может, в этой злополучной формуле «деньги вперед» и зарыта собака? Потому что любое предприятие бытового обслуживания может в два счета выполнить месячный план по деньгам, стоит только набрать заказов побольше. А в заказах, как правило, недостатка не бывает. Правда, эти заказы надо еще выполнить, но это уже дело десятое. Это не к спеху. С заказчиком можно не церемониться, поскольку он, заплатив деньги вперед, надежно сидит на крючке. С ним теперь можно вытворять все, что угодно...

А. НИКОЛЬСКИЙ

ТРУБОДУРСТВО

У проектировщиков и строителей, как известно, имеется термин «привязка к местности». Те, которые создавали котельную во втором квартале Чиланзарского района Ташкента, почему-то привязались к местному родильному дому. Здание они плюхнули прямо на его территорию, а трубу элегантно водрузили посередке тротуара, ведущего к входу в обитель рожениц и новорожденных.

Поистине человеческая фантазия неистощима.

Г. СВИРИДЕНКО

г. Ташкент

Обложили

Утром, когда житель города Новосибирска Аркадий Михайлович Головешкин старательно исполнял физические упражнения под звуки фортепиано, под дверь кто-то сунул конверт. Распечатав его, Аркадий Михайлович прочел: «С вас причитается 12 руб. 30 коп. (двенадцать 30)».

— Дудки! — сказал А. Головешкин и, помянув недобро вымогателей, перешел к водным процедурам.

На другой день история повторилась. Однако на этот раз злодеи написали: «Мы облагаем вас налогом. С вас причитается...» — и сообщили обратный адрес, которым, конечно, Аркадий Михайлович не преминул воспользоваться. Он ответил: «Не валяйте дурака! Какой еще налог? За какие щи?»

Вскоре аккуратный почтальон принес строптивому А. Головешкину телеграмму: «За эксплуатацию легкового автомобиля «Москвич-401» в 1968—1969 годах». Аркадий Михайлович засмеялся и ответил: «Я не имею автомобиля. Я законным образом, через комиссионку продал его семь лет назад. Еще иогда выезжал из Алексина в Новосибирск. Что за чушь!»

Представляете себе, как удивился А. Головешкин, когда получил еще одно извещение. Инспекция государственных налогов города Алексина настоятельно рекомендовала почитать извещение на обороте. И Аркадий Михайлович прочел: «Подача жалобы не приостанавливает взыскания налогов и сборов».

Поистине, обложили!

Г. Т.

Тульская область

Никто не спорит. Конечно, Тур Хейердал — герой. Конечно, он прошел два океана на плоту и соломенной ладье. Однако предел ли это? Взять хоть бы преодоление Кенозера, что в Архангельской области.

Если бы герой двух океанов рискнул отправиться в путешествие по Кенозеру, возможно, это не сошло бы столь гладко, как вояж на плоту через Тихий океан. Может быть, не зная местных особенностей, он потерпел бы крушение где-нибудь в районе Усть-Почи, Рыжкова или Чолмы.

СЛАЗЬ—ЗАЛАЗЬ

А особенности эти таковы. Подплывает теплоход Северного речного пароходства к деревне, садится на дно метрах в десяти от берега, выбрасывается узкая досочка и подается команда: «Слазь — залазь».

По команде «слазь» в воду кидаются те, кто на борту лайнера. Первыми по традиции пускают спортсменов, вполне справедливо полагая, что если уж эти не утонут, стало быть, и остальные дойдут.

По пояс в воде, подняв чемоданы до вёрхнего предела, ждут освобождения доски и команды «залазь» кандидаты в пассажиры. «Залазь» надо делать быстро, а то лайнер уйдет.

Мокрая обувь скользит по досочке, поигрывает волной местный ветер-хулиган «сиверко», а сзади наседают и выражаются остальные десантники. Побеждает скорее сильнейший, чем дружба.

И так — десятый сезон!

У. М.

— А это видел?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

НЕДОКОМПЛЕКТ

— Сыр и бублики продают вместе с дырками, потому что отдельно дырки никто не покупает. А почему велокамеры только с покрышками, а золотники и ниппели только с велокамерами, когда многие граждане хотят купить отдельно или то, или другое! — спрашивает товарищ Степук Б. И. из села Андреевка, Кокчетавской области.

— Так надо, — отвечают работники Подольской базы Посылторга, — одно без другого не высылаем, товары в комплекте.

Но если покупатель недоволен, значит, не совсем в «комплекте» тот, кто это придумал!

Р. АЛДОНИНА

ПИШИ — НЕ ХОЧУ

Гражданка С. из Краснодара прислала в редакцию письмо, написанное шариковой ручкой.

Ее интересует сразу несколько вопросов, начииающихся со слова «почему».

Дело в том, что семья гражданки С. месяца три иазад переехала в Краснодар из Алма-Аты, а вещи отправила малой скоростью в контейнере № 342007. Ну, и контейнер № 342007 иаконец прибыл. Но в нем оказались не вещи, а только чериила для авторучек алма-атинского, так сказать, розлива.

Конечно, по этому поводу сразу завязалась оживлеиная переписиа между краснодарскими и алма-атинскими железнодорожниками.

Но, ясное дело, эта переписка ничем результативным по сю пору не заканчивается, ибо, как вы сами понимаете, контейнер № 342007 существует в одном экземпляре на всем белом свете и какого-то другого, самозваного контейнера под этим же номером нет и быть ие может.

Краснодарские железнодорожники, которым только этой заботы еще и ие хватало, в конце концов посоветовали гражданке С. списаться с ее алма-атинскими знакомыми и попросить их поисать заветный контейнер на каких-нибудь там запасных путях.

Эта, на наш взгляд, единственно разумная идея гражданке С. пришлась, однако, не по вкусу, и вот она обращается к нам с целым рядом «почему». И почему не могут иайти контейнер с вещами? И почему Иван из Краснодара кивает на Петра из Алма-Аты? И почему в свои деликатные отношения с железной дорогой она должна втягивать друзей и знакомых? Ну, и так далее.

Нам же здесь решительно все ясно и понятно. Был контейнер — нет контейнера. Либо он иайдется, либо нет. И вообще делов-то — какой-то железный ящик. Не то теряли.

Зато вот у нас есть вопрос, так это действительно... Почему, скажите, гражданка С., вы написали нам письмо шариковой ручкой? Мало вам контейнера с чернилами, да?

В. АЛЕКСАНДРОВ

Гай Юлий Цезарь и товарищ Жукова

Когда-то, узнав про то, что Гай Юлий Цезарь мог одновременно писать, читать и беседовать, я ужасно удивился. «Надо же,— подумал я,— ведь были люди в ихнее время!..»

Теперь мне эти способности Гая Юлия кажутся просто смехотворными. Что там прославленный римлянин! Вот товарищ Жукова Тамара Агаповна — это да! Вы помните, что умел одновременно делать Цезарь? Теперь посмотрите, что может тов. Жукова. Вот кто она такая:

Председатель месткома профорганизации сельсовета — это раз!

Председатель уличного комитета — два!

Депутат сельсовета — три!

Заместитель председателя товарищеского суда — четыре!

Заседатель в народном суде — пять!

Член санитарного поста — шесть!

Член группы народного контроля — семь!

Член лавочной комиссии — восемь!

Член женсовета поселка — девять!

Член редколлегии стенгазеты «Крокодил» — десять!

Пропагандист политкружка — одиннадцать!

Председатель комиссии по торговле — двенадцать!

Председатель бюджетно-финансовой комиссии сельсовета — тринадцать!

Возможно, прочитав все это, ты, дорогой Крокодил, подумаешь, что тов. Жукова тоже полководец?

Отнюдь. Она лишь скромный библиотекарь поселка Ак-Туруг, Улуг-Хемского района, Тувинской АССР.

Может быть, решишь ты, поселок этот настолько мал, что некому больше заниматься общественной работой и поэтому весь груз безропотно несет добрейшая Тамара Агаповна?

Отнюдь. На территории поселка живет, по римским понятиям, целый легион: 3 500 человек.

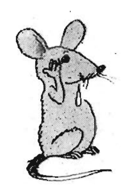
Вот теперь и удивляйся!

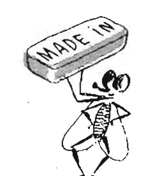
Д. ВДОВИН

г. Кызыл, Тувинской АССР

Иосиф АЛЬБИРТ

Заморский пряник

Мышонок, на свою беду,
Увидел пряник на меду.
Его держала в лапках Муха,
Известная болтуха.
Но зависть у Мышонка робкого
Не пряник вызвал,
А коробка:
Видать, не зря
В такой коробке он хранится:
На ней наклейка —
«Мэйд ин заграница».
«Какая сласть! Какая вкуснота!
Небось, уж нашим не чета.
Купить такой бы пряник любопытства ради».
А Муха ласково: «Зачем же деньги тратить!
Я, сбившись с ног, весь день тебя ищу:
Наш добрый друг, заморский Кот-Вещун
Вот именно тебе прислал его в подарок.
Бери и ешь
И наслаждайся даром».
Мышонок, песни петь готовый
От этой милости Котовой,
Набросился на дармовщинку,
И... небо показалось вдруг с овчинку!
Наш бедный лакомка ослеп, оглох,
Чуть было не издох.
А Муха, черное закончив дело,
Искать других ушастых полетела.

* * *

Полезно не одним Мышам иметь в виду,
что может быть отрава и в меду.

Перевел с еврейского В. ПОЛУЯН.

— Всем твердит, что ей нет и тридцати, а у самой на кольце «Академия наук его императорского величества» написано!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Б. СТРЕЛЬНИКОВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ

Рисунки И. СЕМЕНОВА

Страницы из бортового журнала «Акулины»

Дурной пример портного Блума

Только мы выехали из Вашингтона, как увидели впереди красно-белые блики фонарей полицейской машины. Две полосы автострады были закрыты для движения — на это указывали стоящие на асфальте прутики бенгальских огней. Было ясно, что впереди «эксидент» — несчастный случай.

Подъехав ближе, мы не сразу увидели, что произошло: мешали машины. Тут их было целое стадо — две-три полицейских, одна «Скорой помощи», две пожарных, две с подъемными кранами, с которых свисали тяжелые каторжные цепи. Машины скорбно урчали моторами, перемигиваясь красными, зелеными, желтыми лампочками. Разномастные и разноцветные, они окружали свою несчастную легковую сестру, которая, увы, бездыханно лежала поперек дороги вверх колесами. Под ботинками полицейских хрустело разбитое стекло. Пожарный в резиновых сапогах и черном блестящем плаще струей из шланга смывал с асфальта кровь.

— Проезжайте! — строго крикнул нам полицейский.

При этом он сделал четыре одновременных движения: нахмурил брови, метнул левую руку к бедру, где висели пистолет и никелированные наручники, правой рукой ловко крутанул в воздухе полуметровую дубинку на кожаном ремешке и шагнул к нашей машине. Все это было грациозно, изящно и в то же время сурово.

Мы поехали дальше, а позади осталась чья-то трагедия. Одна из американских трагедий, начало которой было положено еще в конце прошлого века.

Девятого января 1889 года в Нью-Йорке произошло невиданное доселе событие, взволновавшее всю страну. Это случилось на острове Манхэттен на углу 24-й улицы и Бродвея. На город опускался вечер. Тут и там зажигались газовые уличные фонари. Портной Иосиф Блум, эмигрант из Польши, торопился домой и... угодил под колеса, как тогда писали, «безлошадной самодвижущейся повозки», которую позднее люди назвали автомобилем.

Портной Блум был первым американцем, которого человечество принесло в жертву автомобилю. До этого фыркающие бензиновым газом «безлошадные самодвижущиеся повозки» давили на улицах американских городов лишь кур, свиней, кошек и собак.

Так началась война автомобиля против человека. Сейчас количество жертв автомобиля перевалило уже за полтора миллиона, что равняется населению нынешнего Манхэттена, где так и не догадались поставить памятник портному Иосифу Блуму.

Так что же такое автомобиль? Благо или наказание?

В Америке — и то и другое. Автомобиль задавил общественный транспорт в городах, превратив автобусы, троллейбусы и трамваи в бедных родственников, которым уже нет места на улицах. От этого страдают люди с низким заработком. Автомобиль уничтожил тротуары в «резиденшл», то есть в жилых районах городов, лишив возможности человека пройтись пешком хотя бы до дома друга, живущего в двух кварталах, или до ближайшего магазина. Расплодившись в невероятном количестве, автомобиль требует, чтобы сносились жилые дома и на их месте создавались платные стоянки. И опять страдают люди с низким заработком. Наконец, автомобиль создал в городах такой чад и угар, что «проблема воздуха, которым мы дышим», стала одной из главных американских национальных проблем.

(Окончание на стр. 12—13)

В ТРЕНИРОВОЧНОМ ГОРОДКЕ

— Здесь мы готовим «толкачей».

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МИМОХОДОМ

Его так вознесли за скромность, что потом пришлось снимать за нескромность.

Сатирическая повесть слабого посола.

Поехал в санаторий сердечником, вернулся — картежником.

Был настолько вежлив, что невольно думалось: а не бывший ли хам?

Отдыхал на юге: мотался из мотеля в мотель.

Гора родила мышь. В анкете мышь о себе писала: «горной породы».

Л. МИТНИЦКИЙ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

КУРОРТНАЯ ИСТОРИЯ

Подобно судороге, весть
Прошла по пляжам и причалам:
Захлестнут волнами пловец,
Слыхали дети, как кричал он.
Бегут на пристань.
Но опять
Дежурный катер без мотора:
Когда готовятся спасать,
То дело движется нескоро.
Вдруг неизвестный человек,
Из нового заезда, что ли,
С разбегу в волны — бел, как снег,
И режет стрежень острым кролем.
Плывет он на глазах зевак,
Упрямо приближаясь к цели.
Они могли бы тоже так,
Но, понимаешь, не успели.
Там, в отдаленьи, горяча
Нелепая борьба и схватка,
И с мокрой ношей на плечах
На берег он выходит шатко.
Теперь спасателей полно,
Инструкций и советов много:
Еще мгновенье — и на дно,
Но откачали, слава богу.
А тот, кто смерти вопреки
Теперь дышал, худой и хриплый,
Считал угрюмо синяки
И говорил, что сам бы выплыл.

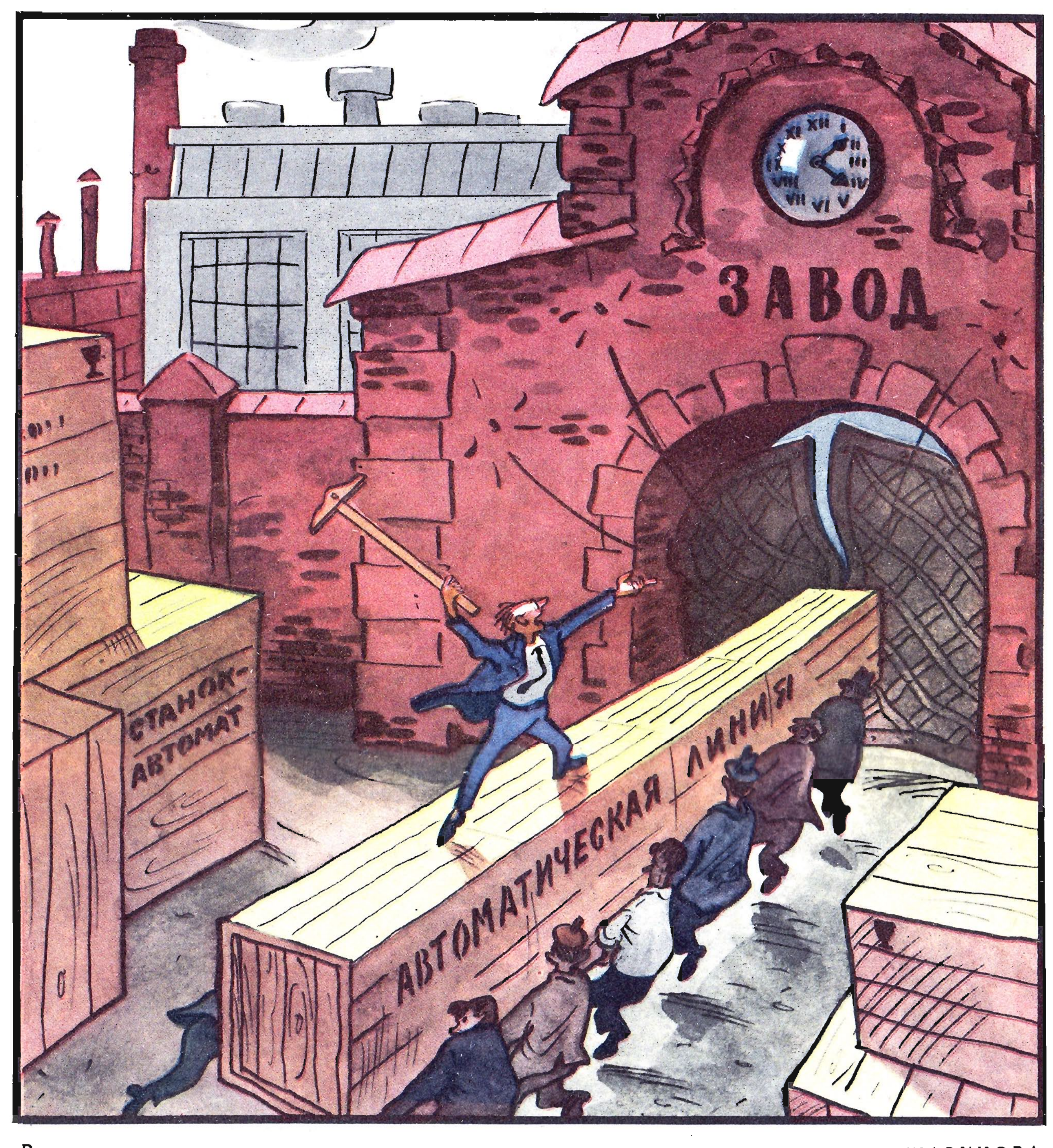
ЭТО МЫ...

Некрасивых женщин не бывает,
Красота — их жизни предисловье,
Но ее нещадно убивают
Невниманием и нелюбовью.

Не бывает некрасивых женщин,
Это мы наносим им морщины,
Если раздражителен и желчен
Голос ненадежного мужчины.

Сделать их счастливыми непросто,
Сделать их несчастными несложно.
Стройная вдруг станет ниже ростом,
Если чувство мелочно и ложно.

Но зато каким великолепьем
Светятся лелеемые нами!
Это мы, как скульпторы, их лепим
Жесткими и нежными руками.

Внедряют...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Э. АБРАМОВ

СЮРПРИЗ В ДЛИННУЮ СТОРОНУ

Только я уселся в кресло и потянулся за книгой, как ворвался мой приятель.

— Одевайся! В кино! — приказал он, вытаскивая меня из кресла.

— Ну, знаю, опять детектив! — отбивался я.— Не могу больше!

— Да нет же, говорю тебе! — горячился приятель, радостно блистая глазами.— Такая пародия на штампованные детективы, благодарить меня будешь! Быстро, а то сеанс начнется.

Авторы фильма, избрав сатирической мишенью кинохалтуру, как правило, попадают прямо в десятку. Кто сейчас герой детектива? Молодой ученый, подающий большие надежды. А какая наука в моде? Биология! Вот и героем своей сатирической ленты сценаристы сделали молодого ученого-биолога!

Убийственно точно спародированы в фильме псевдопсихологические поединки между героем и резидентом иностранной разведки. Смелое сгущение сатирических красок дает высокий комедийный эффект. Зал с наслаждением смеялся над наивными ухищрениями резидента. Отлично владея искусством комического, авторы доводят сцену вербовки героя до гротеска. Восторгу зрителей просто не было предела, когда резидент, зловеще покрываясь потом, сообщает о страшной улике против героя: тот целовался с девушкой! Его разведке, разумеется, известно, что нашим молодым ученым запрещено целовать девушек. Тем более несоветских. Пусть даже прогрессивно настроенных, как девушка Соня. Поцеловать такую девушку, считают кинорезиденты, для советского человека равносильно предательству. Пародийный герой знает это и, ответно покрываясь нервным потом, требует доказательства. А резидент, торжествующе, конечно, усмехаясь, показывает ему поцелуй, снятый скрытой камерой в инфракрасных лучах!

Всех метко подмеченных и высмеянных кинодетективных штампов и не перечислишь. Тут и свидания якобы завербованного героя со связными в шикарных костюмах. Места явок тоже неизменно шикарны — залы Эрмитажа, скульптуры Родена. И встреча с резидентом, как правило, в самых невероятных местах (в фильме сатирики сталкивают резидента и героя в Северном Ледовитом океане).

Зал щедро разражался гомерическим хохотом по поводу каждой мастерски спародированной сцены... Вслед за резидентом в шпионских фильмах нам неизменно показывают работника госбезопасности, который, оказывается, давно в курсе дела и только ждет эффектного момента для появления. В кинопародии под всеобщее веселье зрителей он возникает перед ошарашенным резидентом из океанской пучины! Точно такой, каким мы его привыкли видеть: крепко сбитый мужчина с волевым подбородком. С резидентом, чья участь, разумеется, уже решена, он говорит устало, то и дело смыкая покрасневшие от бессонницы глаза. И, конечно же, они вспоминают друг друга («Мы, кажется, уже встречались, Брукс! Или как вас теперь называть?»).

Конец фильма я, честно говоря, почти не видел. Слезы застилали глаза. У моего приятеля, ослабленного гриппом, от смеха сбило дыхание, и он стал судорожно хватать ртом воздух. А на экране добивали очередной киноштамп. Прогрессивно настроенная девушка Соня обещает герою скорую встречу в России.

...С совершенно изнемогшим от смеха приятелем на плече я принялся протискиваться к выходу. Вокруг сияли раскрасневшиеся, счастливые лица. Проходя мимо афиши, мы задержались на минуту, чтобы запомнить ставшие теперь дорогими имена авторов фильма и... остолбенели. Оказывается, «Рокировка в длинную сторону» вовсе не кинокомедия! Не сатира! На киностудии «Ленфильм» и не собирались ничего пародировать. Фильм, оказывается, сняли вполне серьезно. Чтобы рассказать о происках иностранной разведки, трудной работе органов безопасности и моральной стойкости нашей молодежи...

Халва

Дверь кабинета с табличкой «Директор» распахнулась. В торговый зал магазина вышел мужчина интеллигентной внешности с номером «Таймса» в руке. Он поклонился и сказал:

— Я директор. Вы хотели меня видеть?

— Да, именно вас я хотел видеть!— Мужчина средних лет сердито размахивал левой рукой с зажатым в ней куском халвы.

— К вашим услугам.— Директор еще раз поклонился.— Моя фамилия Лукашкин, зовут меня Афиноген Гавриилович. А вас, позвольте узнать?

— Меня? Акуленко Илья Григорьевич.

— Поверьте, Илья Григорьевич, мне очень приятно с вами познакомиться. Так что вам угодно от меня?

— Дайте жалобную книгу! Я требую!

Мужчина переложил халву в правую руку, а левую вытер о пальто.

— Книгу? А зачем она вам? Что случилось, уважаемый?

— Безобразие! Я попросил продавщицу завернуть халву, а она отказалась, говорит, нет бумаги. Да еще и нагрубила. Дайте жалобную книгу!

Халва перешла в левую руку. Продавщицы оставили рабочие места и подошли поближе. Лицо директора оставалось непроницаемым.

— Хорошо. Ваше желание — для нас закон. Но сначала, если вы не возражаете, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Какие могут быть вопросы? Я же сказал: дайте жалобную книгу!

— Скажите, пожалуйста, где вы работаете?

— А зачем это вам? Какое это имеет значение?

— Пока никакого. Так где вы работаете?

— В ремстройконторе. Экономистом.

— Скажите, пожалуйста, известно ли вам, что министерство целлюлозно-бумажной промышленности не обеспечило потребности страны в бумаге?

— Нет, этого я не знаю.

— Странно! Но, может быть, вы слышали, что в магазинах висят объявления: «Учебников нет»?

— Ничего подобного не слыхал.— Гражданин в недоумении пожал плечами. Халва перекочевала в правую руку.

— Удивительно! Вы слышите, товарищи?

Продавщицы возмущенно загудели.

— А знаете ли вы, что подписка на «Неделю» не принимается и что в киосках ее не купишь? Знаете ли вы, что от этого страдают все культурные люди, и я в том числе? Вместо любимой «Недели» я вынужден читать эту дрянь.— Директор ткнул под нос гражданину номер «Таймса».

Продавщицы одобрительно загудели. На лице директора, прежде невозмутимом, отразились гнев и возмущение.

— Мне стыдно за вас! С бумагой трудности, а вы хотите, чтоб вам халву заворачивали. Сладкой жизни захотелось? Позор! Товарищи, посмотрите на него! И вы еще жалуетесь, что вам нагрубили! Нахамить вам нужно было!

— Но я же...

— Что вы же? Имейте в виду, этот номер вам не пройдет. Кстати, вы часто приходите в наш магазин?

— Каждый день. Но позвольте...

— Не позвóлю! Газет вы не читаете, книги вы не любите, школьное дело вас не волнует!

— Простите, но...

— Нет, не может быть вам никакого прощения! Во-первых, я сообщу по месту вашей работы о вашей безграмотности, аполитичности, инертности. И пусть на работе знают, что круг ваших интересов ограничен халвой. Во-вторых, чтобы не откладывать в долгий ящик, давайте вашу жалобную книгу!

— Какую книгу? Нет у меня никакой книги!

Гражданин уронил халву.

— Ах, вот как, нет книги! Тогда зарубите себе на носу: в следующий раз в нашем магазине без жалобной книги не появляйтесь. Не принесете — в магазин не пустим! И до свидания! Кто еще хочет жаловаться?

«ТОРГПРЕД»

С первого взгляда

Говорят, что скоро будут знакомиться через электронную машину. Мне бы это хорошо, потому что обычным путем мне никак. Стесняюсь я их — женщин. А тем более если красавица... Меня будто то в прорубь суют, то в доменную печь.

Поэтому когда я попал под сильный дождь, то быстренько встал под козырек газетного ларька. Тут еще, правда, «поэтому» ни при чем. Вот дальше: поэтому я окаменел, когда рядом с собой увидел красавицу.

Высокая (а я давно заметил, что маленькая красавица — это только полкрасавицы), изящная, легкая — выставил бы руку и поставил ее на ладонь.

Белое платье так обрельефило тело, что моей фантазии делать было нечего.

Лаковые глаза, огромные и черные, как полярная ночь, а над ними сотнями черных вопросительных знаков — ресницы.

Я смотрел на красавицу, но это был уже не я, это был сумасшедший в моем облике.

— Дождь,— сказала она, будто выдохнула музыку.

— Он,— подтвердил я бабьим голосом.

Она раздавила на щеке каплю. Я вздрогнул, содрал с себя пиджак и отчаянно набросил на ее плечи.

— Ну что вы! — смутилась она.— Меня зовут Ниной.

— А меня Сашей,— представился я.

— Кажется, перестал... Пойдемте! — робко предложила Нина, возвращая пиджак.

— А как же,—согласился я, смело взял ее под руку и пошлепал по лужам.

А потом Нина показала на новенький высотный дом, где она жила.

— Ну и домик! — восхитился я и шагнул в открытый люк.

Он оказался полузасыпанным, поэтому я вылез сам.

— Вы испачкались...

— Ерунда,— отлепил я из-под носа комок глины.

— Вам надо умыться... Пойдемте ко мне!

— К вам?! — прошептал я и опять шагнул в тот же люк, но Нина меня вовремя перехватила.

На ее маму, солидную плавную женщину, я произвел впечатление. Она смотрела на меня так, будто я вышел из телевизора и пошел прямо в ванную. У чистого-то у меня вид ничего, так что вымоюсь, буду ничего. Действительно, когда я свеженький вышел из ванной, мама сказала:

— Садитесь с нами пить чай!

— Спасибо, только что съел две пачки пельменей,— вежливо отказался я, но тут же встретился с Нининым взглядом.

Мама заметила мои колебания, взяла меня под руку и ввела в комнату, где весь стол был уставлен чашечками и вазочками.

Я сел на стул, будто на электрический.

— Вы пьете чай или кофе? — выжидательно спросила мама.

Мне бы надо было свободно так ответить: «Чашечку кофе, пожалуйста».

— Я пью компот,— признался я.

Мама слегка замешкалась и посмотрела на дальний угол стола, где что-то было накрыто газетой. Видимо, чайник для сохранения тепла.

— У нас сегодня нет компота,— застенчиво сказала она.

— Тогда этого... какао,— брякнул я, хотя какао вообще не терпел.

— Тоже нет,— вежливо ответила мама.

— Ну, можно и чаю,— согласился я.

Нина смотрела на меня сбоку, и моя правая щека наливалась жаром, словно на нее поставили утюг. Мама налила чаю и уже с некоторой опаской спросила:

— Какого вам варенья?

— А какое у вас получше? — поинтересовался я.

— Вишневое хорошее,— неуверенно ответила мама.

Я наложил розетку с верхом и тоскливо почувствовал, что варенье с косточками. Как буду вытаскивать их изо рта — не руками же. Поэтому первый глоток сделал без варенья и начал придумывать деликатную тему для разговора.

— А мы с Ниной попали под дождь,— радостно сообщил я.

— Да?! — вежливо удивилась мама.

Повисла короткая, но выразительная пауза. Была моя очередь говорить, да и вообще они от меня ждали членораздельной речи.

— А мы с Ниной попали под дождь,— сказал я и отпил чаю без варенья.

— Да?! — еще вежливее удивилась мама.

— Да,— подтвердил я.

Нина молчала. Пауза, которая продолжала висеть, стала ощутимо опускаться на наши плечи. Я еще отхлебнул чаю, шевельнул в ботинках сразу взмокшими носками и бодро сообщил:

— А мы с Ниной попали под дождь!

Мама заметно окостенела. Но тут и я окостенел, потому что газета на углу стола зашевелилась, из-под нее показался лысый мужчина в очках, пододвинул к себе чашку и с интересом уставился на меня.

«Папа»,— пронеслось у меня.

— А вы знаете, как устроена мышеловка? — прямо спросил я папу, выдерживая его пристальный взгляд.

— Не-а,— признался папа, не в силах приступить к чаю.

Я подробно рассказал о мышеловках, которых вообще никогда не видел.

— Саша, а кем вы работаете? — заинтригованно спросила Нина.

— Вероятно, вы отлавливаете мышей? — предположил папа.

— А что — отлавливаю,—согласился я и похолодел.

— Для чего же они нужны? — удивилась мама такой экзотической профессии.

— Как для чего...— обиделся я.— Для народного хозяйства.

— Да,— вздохнула мама.— кого сейчас только не отлавливают. Да вы с вареньем!

Я начал с вареньем, чтобы уж покончить с этим делом разом.

Ощутив во рту первую косточку, я отпил глоток чаю, взял чайную ложку и начал ею шарить под языком. Не знаю, что они в этом увидели особенного, но папа остановился на полуглотке, мама прижала руки к груди, а на Нину я уже не смотрел. Видимо, им показалось, что я налил чаю в рот и стал его там помешивать.

Мне пришлось поглощать варенье в абсолютной тишине, рассовывая косточки по углам: за десны, под язык... Когда их скопилось во рту штук десять, я с ужасом почувствовал, что некоторые из этих самых косточек пошли в горло, но, куда надо, не дошли.

«Подавился,— мелькнуло в голове,— только бы не закашляться!»

Я взялся за край стола и напрягся — стол мелко задрожал, будто его мгновенно схватила малярия. Видимо, от напряжения я позеленел, потому что папа побагровел. И когда все чашечки и вазочки от вибрации тонко запели, а я вздулся, как полиэтиленовый мешок с водой, папа вскочил, железно схватил меня за руки и прижал к стулу. Я еще поднапрягся, проглотил все десять косточек и вздохнул, опадая.

Мама дала мне прохладной воды.

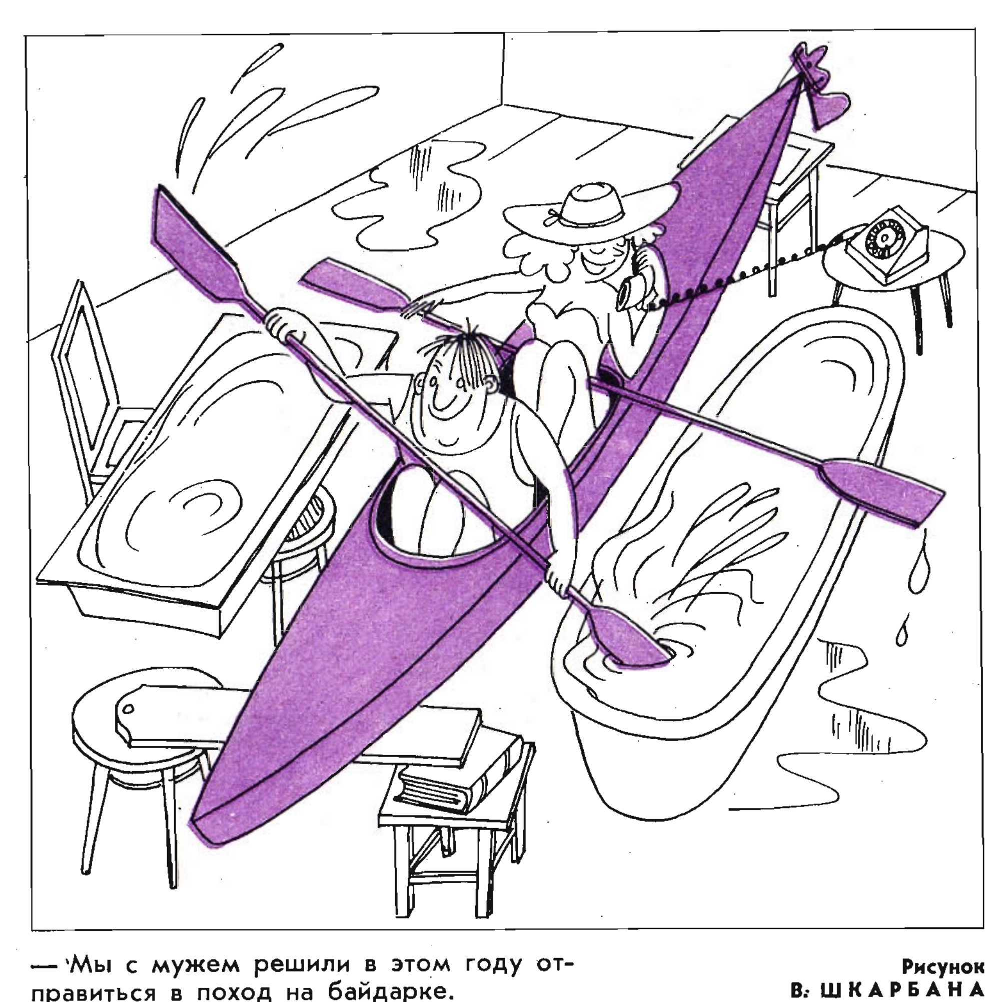
— Давно у вас припадки? — поинтересовался папа.

— С детства,— икнул я и пошел к двери.

«ХОХОТ»

ПРИМЕТЫ ЛЕТА

— Мы с мужем решили в этом году отправиться в поход на байдарке.

Рисунок В. ШКАРБАНА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Хорошо, что взяли с собой маму. Пусть старушка отдохнет.

Рисунок Д. АГАЕВА

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Чуть не забыл: я же собирался на пляж!

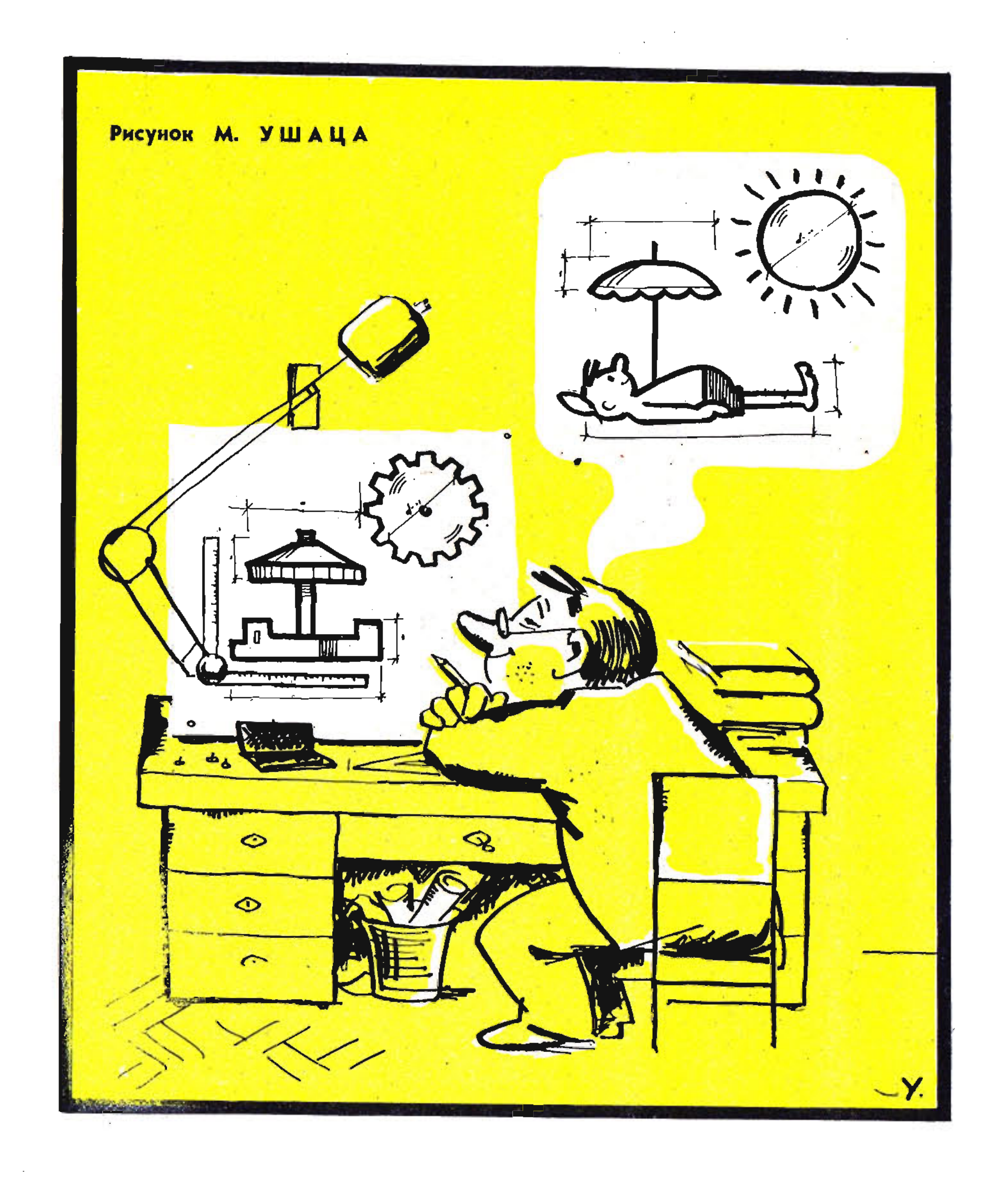

Рисунок М. УШАЦА

— А «молнию» не почините?

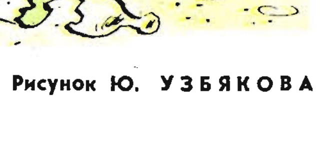
Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Надо работать! А отпускные настроения выбросьте из головы...

Рисунок Б. САВКОВА

Подводная охота.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

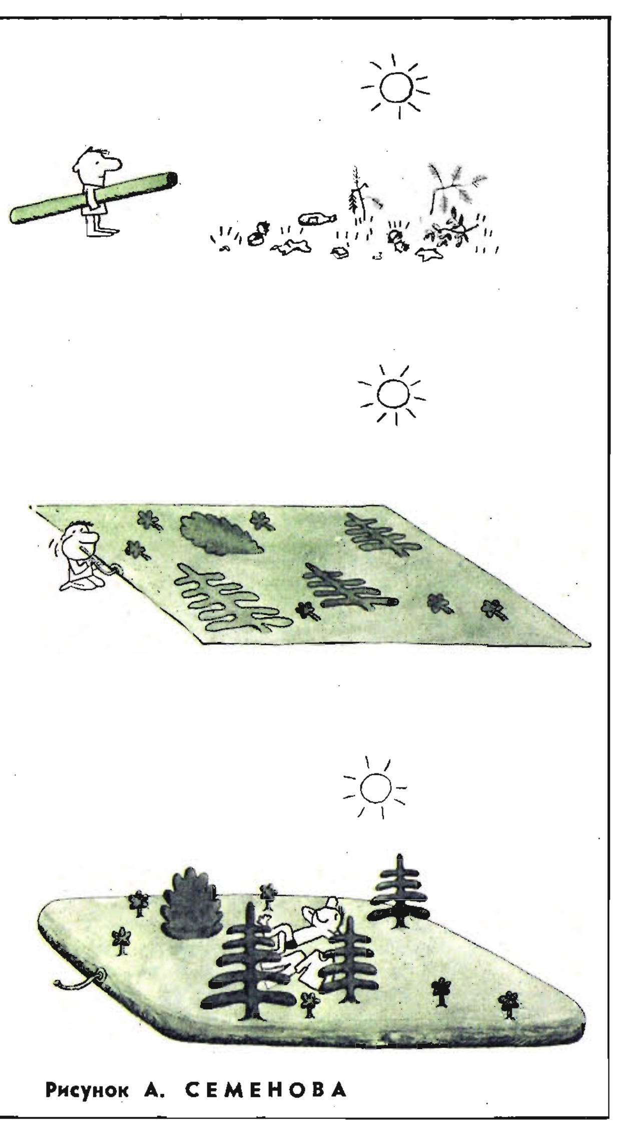

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ЗАКОН И ОБЫЧАЙ

Тут недавно одного шофера поймали в люцерне. Этот шофер имел задачу — сократить путь к своей цели и выскочить на большак раньше срока. Ему начальник велел, прораб. Потому что самосвал неисправный и может прицепиться автоинспектор. И снять номер. И тем самым задержать перевыполнение плана. Так что он поехал через аграрный сектор, чтобы не портить индустриальную картину отдельными недочетами своих тормозов.

Аграрный сектор, как известно, отсталый сектор. Вроде вчерашнего дня на фоне исторического процесса. Скажем, если ты загубил завод,— так тебе несдобровать. Обязательно либо выговор дадут, либо на другую работу переведут, а может, даже премии лишат. Тут строго. Зато колхоз губи сколько хочешь. Топчи ему земли, отрезай наделы, бури его вдоль и поперек, переворачивай вверх ногами гуммозный слой — ничего тебе не будет. Потому что — деревенщина! Чего с ней чикаться!

И вот мы сидим с председателем одного южно-черноземного колхоза и думаем думу. Можно эту думу назвать, скажем, «Дума о земле» или «Дума о родных местах». Можно назвать «Дума о поголовье» или «Дума о земельном кадастре». Тут все равно, как назвать.

Председатель, конечно, гнет свою линию:

— Спецдорстрой приходит — грабит, энергострой — грабит, геологи — грабят... Куда податься крестьянину?

Я ему говорю:

— Не ужасайся, об этом теперь разве что еще школьники не пишут. Теперь всякий совершеннолетний пишет о том, как расправляются с колхозной землей все кому не лень. Как только человек дорос до индустриального состояния — так он и начинает родную землю шпынять.

Он говорит:

— У нас в результате превосходства индустриализации над аграрностью три тыщи гектар увели... По кусочку... Значит, если от чистой души сказать, выходит, ежегодно у нас пропадает восемьсот тонн молока, сто семьдесят тонн мяса, двести тысяч яиц, тысяча тонн зерна... То есть мы их уже не производим. А производили. Больше производили. Это я посчитал, что государству сдавали.

— Значит, увели?

— Ага... Украли.

— А прокуроры?

— Какие прокуроры?

— Ну, такие — чисто выбритые, ладные, которые на страже законности. Нерушимые такие прокуроры с острым государственным оком.

Он молчит, косится на меня и улыбается не то печально, не то жизнерадостно.

— Прокуроры, говоришь? Так ведь и прокуроры дело знают...

Прокуроры, конечно, любят хмурить брови по долгу службы. Они в нахмуренном виде более соответствуют своему образу и подобию. Вот он хмурится, а сам с пятки на носок раскачивается, взбалтывая в себе гражданственный гнев. Взболтает-взболтает и начинает учить:

— Так-так... Стало быть, не жалко вам, граждане колхозники, землю народную, данную вам в вечное пользование! Не жалко! Оттого и отдаете ее разным нарушителям. Пач-чему не возьмете палку? Пач-чему метлу не возьмете? Что ж у вас, метлы в хозяйстве нет? Ась? Пач-чему терпите отдельные незаконные посягательства?

Ой, батюшки! Да берем палку, берем! И метлу имеем на вооружении. Как не иметь — дело крестьянское, аграрное, самооборонительное... Да только как же с ней, с метлою, оборониться, когда на тебя — бульдозер, семитонный самосвал, скрепер, а то и чего похуже?!

— Плохо берете! Бульдозер! Мало, что на вас бульдозер! Бульдозер — мертвое железо, а вы, живые люди. Что же вы, живого человека принижаете? Ниже машины ставите? Самосвала испугались! И после этого испуга вводите в заблуждение некоторые организации своей надуманной любовью к родным местам... Нет, не любите вы народную землю, данную вам в вечное пользование!

Любовь — дело святое. А как увидишь своими очами искореженную, изрытую, бессмысленно изувеченную землю, уничтожаемую в нарушение не только законов, но и чисто инженерных норм,— становится не до любви. Бог с ней, с любовью — тут не песни петь, а караул кричать.

Роют канаву — воду ведут. Ладно. Так ты же, как у тебя в наряде записано, откинь плодородный слой вправо, а глину — влево. И зарывай свою золотую трубу в обратном порядке! Чтоб над нею родная пшеница колосилась!

Не с руки. Винегретом роют, абы вырыть.

Ищут геологи полезное ископаемое. Пока оно еще в земле лежит, а по земле посев уничтожают. Техника! Теперь все грамотные. А грамота что говорит? Ближайшее расстояние между двумя точками — прямая. Хоть она и через ясные хлеба идет. И дуют по прямой.

Иной председатель не выдержит, кинется грудью:

— Что ж вы делаете, математики чертовы! Нам же тут пахать-сеять, хлеб собирать!

— Ничего,— говорят,— папаша! Пифагоровы штаны на все стороны равны! Земли у нас хватает! Не стой на пути планомерного продвижения вперед!

А по утрам секретарши докладывают индустриальным начальникам снисходительно:

— Опять до вас добивается некий мужик-деревенщина... Травку ему, видите ли, потоптали... Ужасно отсталый тип...

Начальник веселится:

— Пред очи не пускай... Наследит... Ты ему штраф заплати. У нас еще по плану не все штрафы израсходованы. Не нищие, слава богу.

Форма собственности, дорогой читатель. Такая форма, что если, скажем, с колхоза, не дай бог, штраф причитается, так колхоз из своих кровных платит, а если с завода — так тот из государственных. А из государственных почему бы не заплатить? Жалко, что ли? Колхоз крутится в своем хозрасчете, а завод штрафы большой лопатой планирует. Колхозу — жалко, а заводу — не жалко.

— Штрафы,— говорит председатель,— штрафы, конечно, платят... Посчитают суммарно, сколько убытка на данном участке, и пожалуйста: триста рублей, заткнись. А это только сегодня — триста рублей. А завтра? А послезавтра? Землю отводят временно, а портят навсегда.

Штрафы — дело тонкое... Потоптали дорожники колхоз «Россию» на сумму триста шестьдесят рублей. «Россия» — к прокурору. Прокурор начальника стройучастка кличет:

— Что ж это ты, дорогой созидатель? Другой раз не топчи...

— Ни в жизнь! — клянется созидатель.

И появляется официальная бумага:

«В связи с наложением на начальника стройучастка дисциплинарного взыскания, указанная сумма 360 руб. перечислению не подлежит».

Видимо, план по штрафам выполнили, перечислять нечего. Ну ничего, в будущем году потопчут,— заплатят. Хорошо бы в начале финансового года потоптали, пока смета не освоена...

Конечно, дисциплинарное взыскание — это хорошо. Оно как-то радует душу. Председатель говорит, что его коровы аж повеселели, узнав о данном моральном воздействии. Только молока не прибавили. Потому что, кроме веселого настроения, тут еще нужно сено. А сено как раз и вытоптано.

Конечно, об этом писали неоднократно и, полагаю, будут писать и фельетоны, и романы, и докладные записки. Нарушаются, мол, законы землепользования. И нарушаются не землепользователем, а посторонним дядей. И землепользователь плачет, но ничего поделать с сим фактом не может.

А тут не в законе дело, а в обычае. Обычай посильнее любого закона. Обычай же таков, что земля все вытерпит. И, согласно этому обычаю, на плечи землепользователя, производителя, ложится дополнительный груз бесхозяйственности индустриальных соседей. И продукция землепользователя удорожается. Соседям все равно — они на централизованном обеспечении. Им и фонды дадут и средства, и деньги на штрафы занарядят. А землепользователю взять негде, кроме как с земли.

Обычай таков, что организованные потравы не считаются уголовным преступлением. Десять кило зерна стибрить — преступление, потоптать этого зерна хоть десять центнеров — сойдет.

А ведь так называемый «временный отвод земли» — настоящий бич сельского хозяйства. Этот временный отвод производится даже не всегда по согласованию с землепользователем. Но если когда и по согласованию — все равно беда. Отводящий крестится на образа, распятие целует:

— Не беспокойся, кормилец! Вот только нитку трубок проведу, зарою — не узнаешь, где провел.

Как не поверить — человек крест целовал!

А потом? А потом — суп с котом. Потом севообороты трещат. Потому что трактор через ихнюю нитку три года не переедет.

Вот если бы банк попридержал отводящему денежки: принеси, мол, ласковая душа, полное удовольствие от землепользователя, да с печатью, да в письменном виде, чтоб ясно было, не обманул ты его, а подчистил за собою как следует,— тогда дадим. Так ведь банку все равно.

Куда же ему податься, землепользователю, которому земля отведена навечно?

Есть на этом свете разные инспектора с решительными функциями. Санинспектор, пожарный, ветеринарный, автотранспортный — мало ли. А подобного земельного — нету. Землеустроители инспекторских прав не имеют. Их дело — совещательное, рекомендательное, просительное.

А между тем аграрии научились считать гораздо лучше иных индустриариев. Потому что они считают свое, а не абстрактно-казенное. Сидят себе на завалинке и считают.

И именно на этой завалинке один мужик-деревенщина с двумя высшими образованиями сказал мне:

— У нас нет практики учитывать упущенную выгоду. А ведь упущенная выгода — серьезный элемент в экономических взаимоотношениях.

Штраф выгоднее платить, чем получать! Это же надо, в самом деле!

Иной деятель заранее знает, что его административная немочь и никчемность будут полностью оплачены из государственного кармана! И прокурор тут к нему не подкопается!

Отпустите шофера, братцы, он не виноват. Ему сказали — он и поехал...

Три тополя на Плющихе

Обращаемся к гражданам, играющим на баянах. Перестаньте! Переключитесь, ради бога, на валторны, дутары и барабаны! Иначе совсем нам житья не будет!

Потому что для изготовления баянов этих, кроме всего прочего, еще и деревянные плашки требуются.

А мы живем как раз возле баянной фабрики Главмузпрома, что возле Плющихи. И вот несколько лет назад фабрика упросила наш ЖЭК разрешить ей временно поместить кучку плашек на нашем дворе.

Сложили кучку. А мы только-только посадили здесь деревья и цветы.

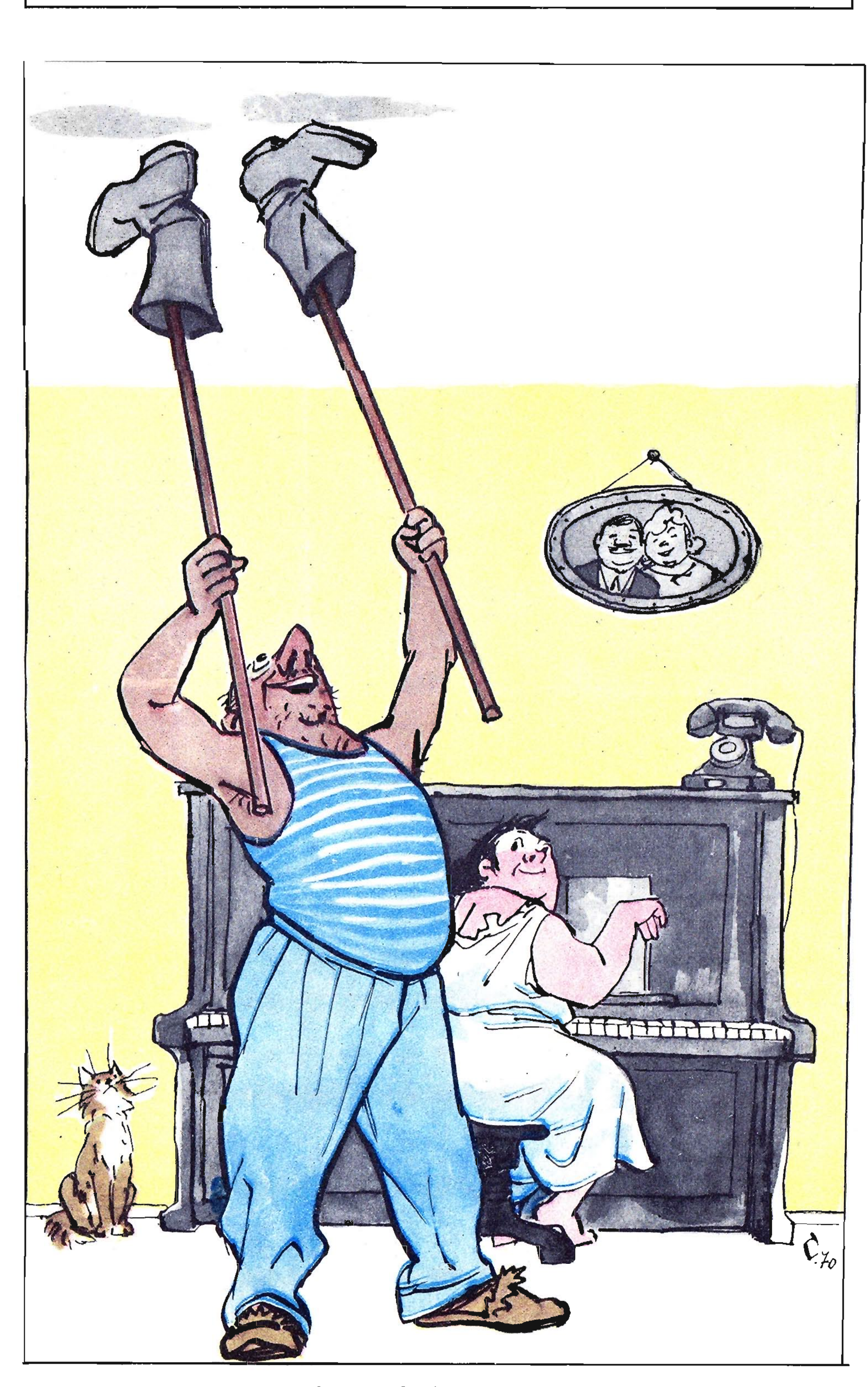
Потом кучку убрали. Потом сложили новую, побольше. Опять убрали. Опять сложили, еще побольше. Потребность-то в баянах растет.

И вот теперь все наши деревья завалены плашками и досками, а про цветы и писать нечего.

А к баянистам обращаемся потому, что больше уж и некуда. И на фабрику жаловались и в райисполком... Но все та же музыка.

г. Москва

В. ДОРСКИЙ

— Повтори-ка, Маня, «яблочко»! Мы им покажем, как веселиться по ночам...

Рисунок **И. СЕМЕНОВА**

Марк ЗАХАРОВ

Огорошил

Я так подумал однажды: «Тридцать лет — все-таки уже порядочно. Пора и за дело браться. Все-таки не мальчик, слава богу, 33 года отгрохал или даже 34, наверное, и 36 будет, если посчитать как следует, не торопясь. Ну, правильно,— потом думаю,— 37, как и было».

С родственниками посоветовался, они тоже соглашаются, все в один голос.

— Тридцать девять тебе,— говорят,— не меньше. А даже, может, и... черт тебя знает,— говорят,— надоел ты всем, сил нет!..

Ну, это правильно.

Потому что я свои мысли постепенно высказываю, и не все это выдерживают. Я сразу на истину не бросаюсь, а как бы подкрадываюсь к ней из-за угла, чтобы не спугнуть.

Василия Васильевича тоже не сразу огорошил, а постепенно.

Постоял сперва у него в кабинете, с ноги на ногу покачался. Подергался чем мог. Потом начал.

— Так и так,— говорю,— Василий Васильевич.

Потом нижней губой воздух взял со свистом, чтобы лучше ему запомниться.

Он тогда говорит:

— Это хорошо. А раньше-то чем занимался?

Я честно, как учили в детстве, говорю:

— Раньше ничем не занимался. Со мной все занимались, помню. Все чего-то от меня хотели добиться, то вырастить собирались, то вывести куда-то... Чего-то я им все подавал будто. Но я уже и не помню что.

— Ну, а чего же,— спрашивает тогда Василий Васильевич,— делать умеешь, раз ничего не помнишь? Чем можешь быть полезен?

— Очень многим,— говорю,— могу... Ошибочную концепцию могу предложить. Уступку могу сделать... нездоровым настроениям.

Тут Василий Васильевич говорит:

— Хорошо, хоть ты сам это признаешь.

— А чего,— говорю,— зря скрывать? Все знают, что я одними недостатками обладаю. Почти что. Что мне эти особенно... ляпсусы удаются. Разные мелкие ошибки,— говорю,— провалы хорошо получаются. Заблуждаюсь непосредственно очень. С грохотом почему-то. Некоторые тихо вязнут, как бы постепенно кончаются, а я у всех на виду с шумом разбегаюсь и... раз-два — и на мелкие кусочки! Жуть! Чего бы ни делал,— говорю,— с первого дня видно: не то делаю. Или гну не туда, или сворачиваю не в ту сторону. Еще цитаты хорошо путаю. Не к месту их привожу...

— Да-а-а,— говорит тут Василий Васильевич,— только этого нам и не хватало!

— Мне тоже,— говорю,— так показалось, что вам меня сейчас не хватает.

— Да ты понимаешь,— говорит он,— что у нас не детский сад, а огромное государственное дело?

— Вот поэтому я,— говорю,— и решил пойти именно к вам. Заместителем. Лучше всего ближайшим.

Он даже губы прикусил, чтобы не расхохотаться, и говорит:

— Зачем же ты мне такой нужен?

— А чтобы,— говорю,— вас оттенять, Василий Васильевич. Чтоб вам было кого поправлять. На людях. Чтобы вы на моем фоне работали. Понятно? У вас, небось, заместители дошлые. Некоторые, поди, молодые норовят в люди выйти, из кожи вон лезут. На вас ворчат: «О чем только старик думает? Вчерашний день насаждает!..» Правильно? А я им позавчерашний устрою. Такие слова произнесу, причем негромко, как бы по-хорошему, что некоторые сотрудники бледнеть начнут на глазах. Как бы увядать. Потому что я им, в общем, такое воинствующее, такое мохнатое неудовольствие продемонстрирую — они этого не переживут! Я даже в самый первый день,— говорю,— ватные плечи в пиджак подложу, голову вниз задвину, глаза узенькими сделаю, как бы сощурюсь и все значки на себя вывешу. Я их,— говорю,— одним своим видом в шоковое состояние приведу. Я,— говорю,— такие косноязычные распоряжения отдавать буду, что они вас Софоклом после этого почитать будут. Молиться на вас станут. Только и разговоров будет: «Как там Василий Васильевич? Только бы он от нас не уходил! Не дай бог!.. Только бы не бросил...» А тут как раз я им навстречу, жуткой походкой, представляете? Иду — прислушиваюсь, вот такая расческа из кармана, руки за спиной, волосы бобриком — ну, словом, страшная картина.

— Да-а-а...— протянул Василий Васильевич, с интересом меня разглядывая,— а ведь поначалу таким безобидным дурачком представился!

— Это я,— говорю,— умею. Это я так всегда сначала прикидываюсь. Как бы ваньку валяю, а потом — цап и беру свое. Постепенно. Так оно надежнее, Василий Васильевич. Потому что я этим бдительность усыпляю. Все думают: «А-а-а-а!..» — и ручкой на меня машут, дескать, чего от него можно ждать?! А от меня как раз можно ждать всего чего угодно. И даже больше.

Окончание.
(Начало см. на стр. 4)

Но американцы не забывают, что именно автомобиль создал Америке шоссейные дороги, предмет ее гордости и один из источников ее экономического прогресса. «Америка лежит на большой автомобильной дороге»,— отмечали Ильф и Петров.

Вот по этой большой автомобильной дороге нас и мчала наша «Акулина»... Впрочем, стоп! Мы же до сих пор не познакомили читателей с «Акулиной». Это машина корреспондентского пункта «Правды» в Вашингтоне. Национальность — американка. Год рождения — 1968-й. Родилась в Детройте, на заводе «Шевроле», принадлежащем самой крупной в мире автомобильной корпорации «Дженерал моторс». Особые приметы — справа от панели управления изображена антилопа в прыжке. Возможно даже, антилопа-гну. «Акулиной» мы окрестили ее за то, что ее номерной знак начинается с букв «АК».

«Акулина» уже успела исколесить несколько американских штатов, цифры на счетчике уже приближались к двадцати тысячам миль (американская миля — 1,6 км), как вдруг в корреспондентский пункт «Правды» пришло письмо из «Дженерал моторс». В письме говорилось примерно следующее:

Дорогой сэр!

Прежде всего мы имеем честь поздравить Вас с тем, что Вы обладаете такой прекрасной во всех отношениях машиной. Вы, конечно, уже убедились, сколь она хороша, послушна, изящна и т. д. Вы, разумеется, уже поняли, что продукция нашей фирмы на голову выше изделий всех прочих автомобильных фирм и т. д. Надеемся, что Вы и в дальнейшем будете покупать только наши прекрасные машины и т. д.

К сожалению, мы считаем своим долгом обратить Ваше внимание на маленькие дефекты в этом поистине замечательном автомобиле. Дело в том, что отработанные газы могут проникать в машину. Вы можете их не почувствовать и неожиданно (надеемся, этого никогда не случится!) потерять сознание и даже (поверьте, нам тяжело об этом писать) умереть. Кроме того, на большой скорости может произойти досадная поломка в карбюраторе, и тогда Вам не удастся сбросить газ (мы молим бога, чтобы он этого не допустил) и остановить машину. Если же это произойдет, мы рекомендуем Вам переключить скорость, а потом легонько нажать на тормозную педаль. Просим Вас как можно скорее привести Вашу прекрасную машину в одну из наших фирменных мастерских, где опытные механики бесплатно устранят перечисленные дефекты.

Наш корреспондент пошел к соседу по дому, у которого тоже была машина «шевроле». Сосед, уже пожилой американец, был настроен философски. Смешивая для гостя виски с содовой водой, он говорил:

— Мой друг! Вам никогда не понять, что такое для американца автомобиль. Я научился водить его в том возрасте, когда еще не твердо знал, сколько будет дважды два. Вся моя жизнь связана с автомобилем. Вы помните, где вы впервые поцеловали девушку? Я тоже помню: как и девяносто девять процентов американцев, в машине. Это был «форд» голубого цвета с четырьмя цилиндрами. Я не знаю свадебных обычаев других народов, но мы, американцы, прямо со ступенек церкви, где нас обвенчали, садимся в машину, от крыши до колес испещренную надписями: «Только что обвенчавшиеся», «1+1=3», «Твои друзья всегда готовы прийти тебе на помощь» — и прочей шутливой чепухой. Сзади к машине привязана связка консервных банок. Включив фары, мы с грохотом и воем клаксонов мчимся домой, сопровождаемые вереницей гудящих автомобилей, в которых следуют родственники и друзья. А когда много лет спустя я приехал в родной городишко навестить мать, соседи выглядывали из окон и смотрели прежде всего не на меня, а на мой автомобиль, чтобы понять, что я теперь за птица и как у меня теперь идут дела. И в свой последний путь на кладбище я поеду в машине — в «кадиллаке» черного цвета с шофером-негром в белых перчатках. И снова за мною потянется вереница машин с включенными фарами, только уже не будет ни рева клаксонов, ни шутливых надписей...

А письмо от «Дженерал моторс» я тоже получил,— кивнул головой сосед в сторону письменного стола.— Полтора года ждали, сукины дети, что я задохнусь в их прекрасной машине!

Сказка о «черном капитализме»

При въезде в негритянский поселок — оживленная толпа. Обычно днем маленькие городки и поселки как будто вымирают. А тут полная улица народу. Сначала мы решили, что опять произошел «эксидент»: например, грузовик, который занесло на повороте, проломил стену дома. Но где же тогда вездесущая полиция?

В гуще толпы стояла машина, которая никак не походила на полицейскую. Это был старинный кэб почти прямоугольной формы. На его черном боку сияла надпись: «В торговле не бывает большого или малого». В машине сидел худой старик в высокой чиновничьей фуражке и занимался странным делом. Тонким, почти женским голоском он выкрикивал в микрофон какие-то непонятные фразы, которые сливались в сплошную пулеметную дробь:

— Тата-тата-тата-тата...

Подойдя поближе, мы увидели, что толпа со всех сторон окружила маленький деревенский магазин. Его двери были распахнуты настежь. Трое рабочих в розовых комбинезонах снимали с полок товары и высыпали их на широкий стол, стоящий на тротуаре. В одной куче здесь лежали мужские сорочки и посуда, соломенные шляпы и коробки с одеколоном, пачки стирального порошка и полотенца.

У стола хозяйничал уже другой старик в такой же чиновничьей фуражке. Он выхватывал из кучи то набор кухонных ножей, то детскую курточку, то кастрюли и высоко поднимал их над головой, показывая толпе.

Толпа в возбуждении подавалась вперед.

И тут мы поняли, что старик в машине выкрикивает вовсе не тарабарское «тата-тата», а ведет аукцион.

— Доллар двадцать пять — доллар пятьдесят — доллар семьдесят пять,— тянул на одной ноте старик, набавляя цену.

Вещи шли с молотка.

Заглянув в окно, мы увидели старого негра, сидевшего на массивном табурете посреди магазина. Большими натруженными ладонями он подпирал седую голову. Рабочие, подтаскивавшие товар в кучу, задевали его локтями, но он не обращал на это никакого внимания. Он был здесь, пожалуй, единственным человеком, которого совсем не интересовали ни вещи, ни цены. Он был абсолютно спокоен.

— Это бывший владелец лавки? — спросили мы у женщины, которая только что купила набор кухонных ножей и теперь с трудом выбиралась из толпы.

— Да, это он,— сказала женщина.— Бедный Джон! Всю жизнь он работал на плантациях, мечтал о своем деле. И вот наконец решил заняться коммерцией, разбогатеть. Арендовал это помещение, взял товары в кредит. Вы видите, что из этого вышло!

Женщина вытерла потное лицо платком.

— А дети Джона, посмотрите на них, они ничего не понимают! — воскликнула она.— С каким хохотом носятся они вокруг стола! Все это кажется им веселой игрой. Еще бы! Столько народу! Ах, несчастные малыши, несчастный Джон! Вы знаете, сегодня ночью его вынули из петли. Насилу отходили...

— Доллар тридцать — доллар шестьдесят — доллар девяносто девять,— надрывался динамик на старомодном кэбе.

Старик, суетившийся у стола, держал в руках оранжевые брюки. Бедняки, которым аукцион предоставлял возможность выгадать несколько центов на несчастье другого бедняка, отталкивая друг друга, кинулись за оранжевыми брюками...

В городе Шарлотте (штат Северная Каролина) мы беседовали с образованным негром, состоявшим на государственной службе. Он работал по линии социального обеспечения. Мы спросили его, что он думает о так называемом «черном капитализме».

Этот лозунг выдвинул президент Ричард Никсон. Смысл его сводится к тому, что негры должны энергичнее «внедряться в бизнес», «обзаводиться собственным делом». Тогда, дескать, исчезнут гетто и проблема нищеты среди негритянского населения решится сама собою.

— Черный капитализм — это пустое прожектерство и демагогия,— сказал наш собеседник.— Есть ли такой белый капиталист, который в нашем обществе волчьей конкуренции согласится потесниться и дать место черному? Чепуха все это!

А чем кончаются попытки негра «внедриться в бизнес», мы сами видели на печальном примере Джона, вытащенного соседями из петли...

Оружейная палата полицейского управления

Признаемся, что мы никогда не видели такой богатейшей коллекции оружия и нисколько не пожалели, что в городе Чикаго решили познакомиться с полицейским управлением.

Лейтенант Хэвеленд, полицейский офицер с тридцатилетним стажем, привел нас в баллистическую лабораторию.

— В прошлом году через наши руки прошло тринадцать с половиной тысяч стволов, начиная от самодельных «зипганов» и кончая армейским стрелковым вооружением,— сказал лейтенант.

Мистер Хэвеленд открывал вместительные сейфы-шкафы и бережно вынимал оттуда пистолет за пистолетом. К каждому была приклеена бирочка с номером и датой. Сверившись с книгами, можно было узнать об ужасных кровавых драмах, в которых эти пистолеты сыграли роковую роль.

— Вот эта коротышка,— лейтенант подбросил на ладони тупорылый шестизарядный браунинг,— отправила на тот свет девять душ, пока ее не выбили из рук идиота. Цена пистолета — 16 долларов 95 центов. Продается в любом оружейном магазине. До недавнего времени можно было выписать по почте.

Лейтенант дал нам подержать браунинг. От вороненой стали исходила тревожная прохлада.

— Вы сказали: девять душ. Как же это произошло?

— Проще, чем вот это,— ответил лейтенант, щелкнув в воздухе пальцами.— Парень удрал из сумасшедшего дома, пошел в магазин и попросил пистолет не дороже двадцати долларов. Ему показали вот этот. Для оформления покупки требовался какой-нибудь документ, удостоверявший личность покупателя. Водительские права или что-нибудь в этом роде. Парень сказал, что все документы оставил дома. Назвался вымышленным именем, дал вымышленный адрес, пообещал позвонить по телефону и сообщить номер какого-нибудь документа. Этого было вполне достаточно, чтобы стать владельцем пистолета да еще двух обойм с патронами. Мы потом спрашивали владельца магазина: «Неужели ты не заметил, что парень-то со странностями?» «Заметил,— отвечает,— а какое мое дело, со странностями он или нет. Я ведь ему не дочь в жены отдавал, а пистолет продавал». Формально, конечно, он прав. Ну, а дальше все было проще. Парень зашел в вагон подземки и начал стрелять. Был час «пик», вагон набит пассажирами, так что негодяй стрелял в упор. В толпе сперва ничего понять не могли. Он успел даже обойму перезарядить... Проще, чем вот это.— И лейтенант опять щелкнул пальцами в воздухе. Получилось это у него здорово. Почти, как выстрел из браунинга.

— Но зачем торговать оружием? — удивились мы.— Это же не пирожки с повидлом!

Лейтенант Хэвеленд пожал плечами.

— Бизнес есть бизнес,— равнодушно ответил он.— Если есть спрос, значит, должно быть и предложение.

Он вызвал по телефону одного из своих сотрудников, и тот принес нам рекламные каталоги оружейных магазинов. Ах, какие это красивые книги! Какие там милые «кольты», «смит и вессоны», «винчестеры», «ремингтоны»! Ну, разве можно устоять перед мольбой этой вороненой крошки, из дула которой в виде порохового дымка выплывают слова: «Меня зовут Берта! Я твоя! Возьми меня. Разве я не хороша? Разве тебе не нравятся мои формы? Как мне удобно будет в твоем кармане! Не мешкай, возьми меня, милый! Или тебе больше по душе моя сестра Жозефина? Хочешь познакомиться с ней — переверни страницу!»

Нам показали рекламные проспекты крупнейшей компании по продаже оружия — «Интернэшнл Армамент корпорейшн», или сокращенно «Интерармко», главные склады которой расположены в Александрии (это пригород столицы США) и в Лос-Анджелесе.

«Вы можете приобрести у нас не только пистолеты, автоматы, пулеметы, но и артиллерийские орудия,— говорилось в одном из проспектов.— Если вы хотите купить танки и самолеты, позвоните нашему клерку. Противотанковые ружья второй мировой войны стоят 99 долларов 95 центов за штуку».

Цены на танки и самолеты не были указаны.

По мнению лейтенанта Хэвеленда, в карманах американцев, в дамских сумочках, в ящиках письменных столов, в тайниках хранится не менее 400 миллионов единиц оружия — от мелкокалиберных браунингов до пулеметов. По две единицы оружия на каждого американца, включая грудных детей. Такого нет ни в одной стране мира.

Один рекорд влечет за собой другой: ни одна страна мира, кроме Америки, не может похвастать тем, что с начала нынешнего века от огнестрельного оружия в мирное время погибло свыше 800 тысяч ее граждан. Это больше, чем во всех войнах, вместе взятых, которые когда-либо вели США.

Не так давно в Нью-Йорке родилась девочка с пулей в желудке. Ее мать была случайно ранена во время перестрелки между полицейскими и бандитами. Пуля пробила живот беременной женщины, и ребенок получил кусочек свинца уже в утробе матери.

После убийства Мартина Лютера Кинга и сенатора Роберта Кеннеди в стране возникло движение за принятие закона, который запретил бы продажу оружия частным лицам. Одним из лидеров этого движения был первый американский космонавт Джон Гленн. Однако сторонники «разоружения американского общества» мало чего добились. Конгресс, правда, принял закон, запрещающий продажу оружия по почте из одного штата в другой, но сохранил эту форму продажи в пределах одного штата. По новому закону оружие не может быть продано человеку моложе 18 лет, а боеприпасы — моложе 21 года. Американские газеты не без юмора назвали этот закон «самым жестоким в истории нации».

...Между тем лейтенант Хэвеленд продолжал показывать нам экспонаты.

— Вот этот «кольт» был выбит из рук рэкетира, а эту штучку мы отобрали у школьника, который хотел ограбить магазин,— пояснял лейтенант.

От бесчисленного множества пистолетов стало рябить в глазах. Осмотрев десятый стенд, мы поблагодарили любезного мистера Хэвеленда и распрощались.

Неподалеку от полицейского управления мы забежали перекусить в бар. Мы ели стэйки и горячо обсуждали увиденное. Толстый бармен в белом переднике прислушался к нашему разговору и сказал:

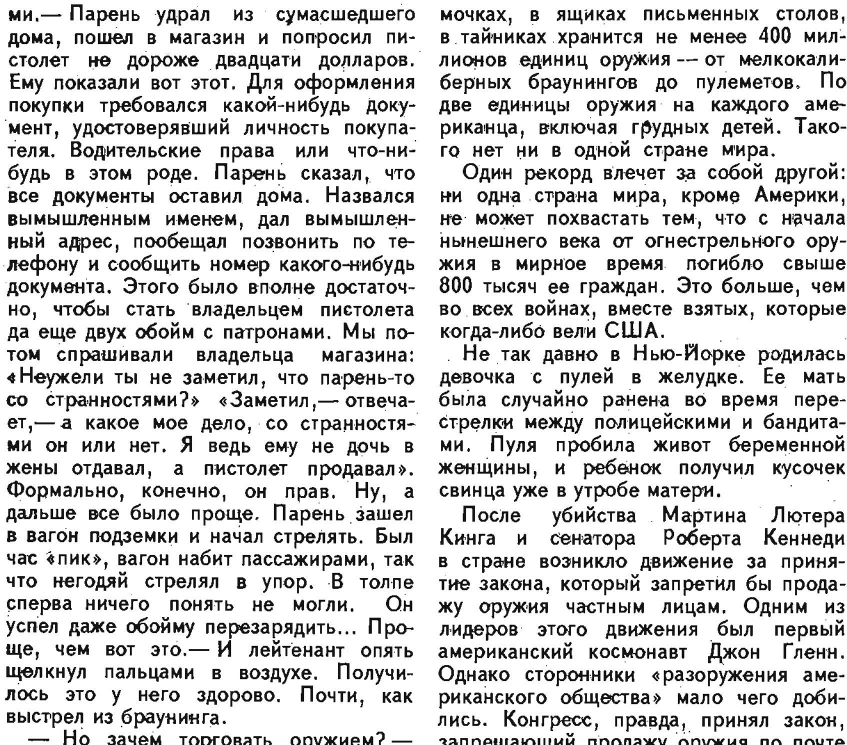
— Вам, иностранцам, не понять, что американец не может обходиться без оружия. Я так привык к тяжести пистолета в кармане, что, когда я забываю его в столе, у меня такое ощущение, будто я забыл надеть штаны. Да, да, джентльмены, меня охватывает именно такое чувство!

На дне

В свой последний вечер в Нью-Йорке мы решили сделать то, что сделали Ильф и Петров в самый первый,— посетить ночлежный дом. Помните, в «Одноэтажной Америке» они писали:

«Раньше, лет двадцать тому назад, в этом помещении была китайская курильня опиума. Это был грязный и мрачный притон. С тех пор он стал чище, но, потеряв былую экзотичность, не сделался менее мрачным. В верхней части бывшего притона шло моление, внизу помещалась спальня — голые стены, голый каменный пол, парусиновые походные кровати. Пахло плохим кофе и сыростью, которой всегда отдает лазаретно-благотворительная чистота. В общем, это было горьковское «На дне» в американской постановке».

Мы увидели горьковское «На дне» в американской постановке наших дней. Негр-полицейский, к которому мы обратились с просьбой показать ночлежный дом, повел нас по темной боковой улице, заваленной всякой дрянью: тряпками, промасленной бумагой, битой штукатуркой, щепками, пустыми пивными банками. Наконец у какого-то дома мы спустились на десять подвальных ступенек. Ударом своего тяжелого ботинка он отворил дверь и сказал:

— Здесь!

В нос ударил гнилой, тошнотворный запах. Длинная узкая комната со сводчатым каменным потолком освещалась тусклой лампой. Вдоль холодных цементных стен на чугунных парковых скамейках расположились люди. Вернее, это были тени людей, потерпевших крушение в бурном житейском море и безжалостно выброшенных за борт. Вечерняя молитва еще не начиналась. Закрыв от усталости глаза, ночлежники терпеливо ждали, когда повар Армии спасения раздаст им по кружке жидкого кофе.

Здесь не было ни протестующего Сатина, ни озорного Васьки Пепла, ни благостного старца Луки с его утешающей ложью. Лица ночлежников не выражали ни надежд, ни желаний, ни способности к борьбе. Они полностью и окончательно проиграли сражение с жизнью, смирились с этим и теперь были похожи друг на друга, как стершиеся пятаки.

— А чем же они занимаются днем?

Полицейский сплюнул.

— Болтаются в порту, роются в мусорных чанах. Иногда они подходят к вам и говорят: «Сэр, не дадите ли вы мне двенадцать центов? Не хватает на автобусный билет. Я забыл кошелек дома». И вы даете ему двенадцать центов, хотя прекрасно знаете, что ни дома, ни кошелька у него нет, да и вообще ему некуда ехать.

— А что было раньше в этом помещении?

— По-моему, всегда была ночлежка. Во всяком случае, до второй мировой войны здесь уже спали бродяги. Тогда нью-йоркские ночлежки принимали двадцать тысяч человек. Мне известно, что сейчас в ночлежных домах ночуют семьдесят пять тысяч ньюйоркцев.

...Мы возвращались в свою гостиницу. На перекрестке 79-й улицы и Бродвея мы догнали старика, который вел на поводке пять маленьких собачонок.

— Интересно, зачем этому человеку столько собак? — воскликнул один из нас.

И вот надо же! В Нью-Йорке около двенадцати миллионов жителей. Они говорят по-английски, по-испански, по-итальянски и еще бог знает по-каковски. А этот старик, оглянувшись, ответил по-русски:

— Собаки не мои.

Это было невероятно!

— Вы русский?

— Мои родители родом из Галиции, и в нашей семье всегда говорили по-русски.

Когда-то он работал столяром. У него была семья. Жили не очень богато, но сносно. Потом жена спуталась с каким-то шулером, спилась и в конце концов покончила с собой, открыв на кухне газ. Он воспитал двух дочерей, но дать им образования, конечно, не смог.

Старшая дочь вышла замуж за автомеханика, уехала с ним в Сан-Франциско, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Скорее всего решила не подавать о себе никаких вестей, чтобы не помогать отцу и младшей сестре. А ее сестренка тяжело больна. Заболела еще в детстве какой-то непонятной болезнью. У нее начали твердеть суставы. Врачи охотно брали деньги, но помочь ничем не могли. На оплату врачей и на лекарства уходили все заработки. Пришлось оставить неплохую квартиру и перебраться в каморку, кишащую крысами. Незаметно к нему подкралась старость. Со стройки его уволили. Одно время перебивался случайными заработками. А вот теперь водит собак, которые скрашивают жизнь бедным одиноким старушкам: все-таки не так страшно ждать смерти, когда рядом есть живая душа. Обычно старушки гуляют с собачками сами. Это для них большое удовольствие. Но старушки часто хворают. Тогда о собаках заботится он. Конечно, заработок не бог весть какой, но где будут платить больше?

— А что же с дочерью?

— Все так же, как и было. Лежит, бедная...

Вокруг блестел огнями, рычал и бесился Нью-Йорк. Гремела музыка в ночных клубах. В театре недалеко от Бродвея совершенно голые актеры, даже не прикрывающие срам рукой, играли современную пьесу. В подъездах торговали наркотиками. Прыщавые юнцы рассматривали порнографические журналы в книжных лавках. На перекрестках улиц и у роскошных витрин магазинов стояли проститутки в потертых манто.

И, конечно, во всем этом громадном городе никому не было дела ни до печали старика, прогуливающего чужих собак, ни до трагедии семидесяти пяти тысяч бездомных людей, ютящихся в ночлежках...

ПРОСТО АНЕКДОТ

Пассажирский самолет дал во время полета сильный крен и затем перевернулся в воздухе. В салоне иачалась паника, но тут вошла улыбающаяся стюардесса и сказала:

— Не волнуйтесь, все в порядке. У пилота насморк, и как раз в этот момент он закапывает себе в нос капли.

●

Предприниматель — служащему, который просит повысить ему оклад, так как жена никак не может сводить концы с концами:

— Я вас вполне понимаю, мистер Брауи, ио почему бы вам в таком случае не взять другую жену, более экономную?

●

— Моя слабость — это аквариум. Я могу сидеть возле него часами.

— А как относится к этому ваша жена?

— Жена? А какое ей дело до того, что я делаю на работе?

●

Охотник в полном снаряжении встретил своего приятеля.

— Куда ты направляешься? Ведь охотничий сезон уже кончился! — говорит приятель.

— Тише... Моя жена об этом еще ничего не знает.

●

Дочь спрашивает у матери:

— Мама, почему когда-то в моде были толстые и широкие обручальные кольца, а теперь — тонкие и узкие?

— Потому, дочка, что когда-то одного кольца хватало на всю жизнь.

●

На пятом году совместной жизни у супругов Мюллер сломался телевизор.

— К черту! — сказал Мюллер, включил свет и взял в руки книгу.

— Вот те раз! Ты умеешь читать?! — удивленно воскликнула фрау Мюллер.

●

— У нас чудесная собака! Никто не может приблизиться к нашему дому — она моментально сигнализирует!

— Лает?

— Нет, прячется под диван...

●

Идет бракоразводный процесс. Муж жалуется на плохое обращеиие супруги.

— В чем оно выражается? — спрашивает судья.

— Вот уже более двадцати лет, как она регулярно бросает в меня различные предметы.

— И вы столько лет терпели?

— Нет, ваша честь, ио в последнее время оиа стала попадать.

●

Николай КНЯЗЕВ

ПРО КОЗЛА И БУМАГУ С ПЕЧАТЬЮ

Известная сказка с неизвестным концом

«Ох, дед, хорошо бы козу нам купить!—
Сказала однажды старуха.—
Начнем молочко натуральное пить,
Надергаем козьего пуха!»
Растроганный дед проворчал:
«Не грусти».
И взялся с базара козу привести.

Торговец скотом пожалел старика:
Товар уступил по дешевке.
На радостях дед навестил свояка,
Козу притащив на веревке.

А дедов свояк был большим шутником!
Надумав развлечься немного,
Он вместо козы за веревку тайком
Козла привязал у порога...

Дед с рынка старухе покупку привел...
Но старая ахнула: «Это козел!»
Старик заупрямился: «Это коза!
Мол, видел глазами своими»...
Старуха съязвила: «Разуй-ка глаза,
Найди у козы этой вымя!»...

Решив, что торговец его обманул,
Побрел он обратно к базару
И снова в пути к свояку завернул
С упрямой скотиной на пару.

Шутник развлекаться решил до конца:
Теперь он козу привязал у крыльца.

Старик на базаре шумел, как гроза!
Торговец утешил беднягу
И выдал расписку, что это коза,
Заверив печатью бумагу.

Дед спрятал расписку, и двинулся в путь,
И снова свернул к свояку отдохнуть.
Нетрудно понять, что оттуда домой
Он снова козла приволок за собой...

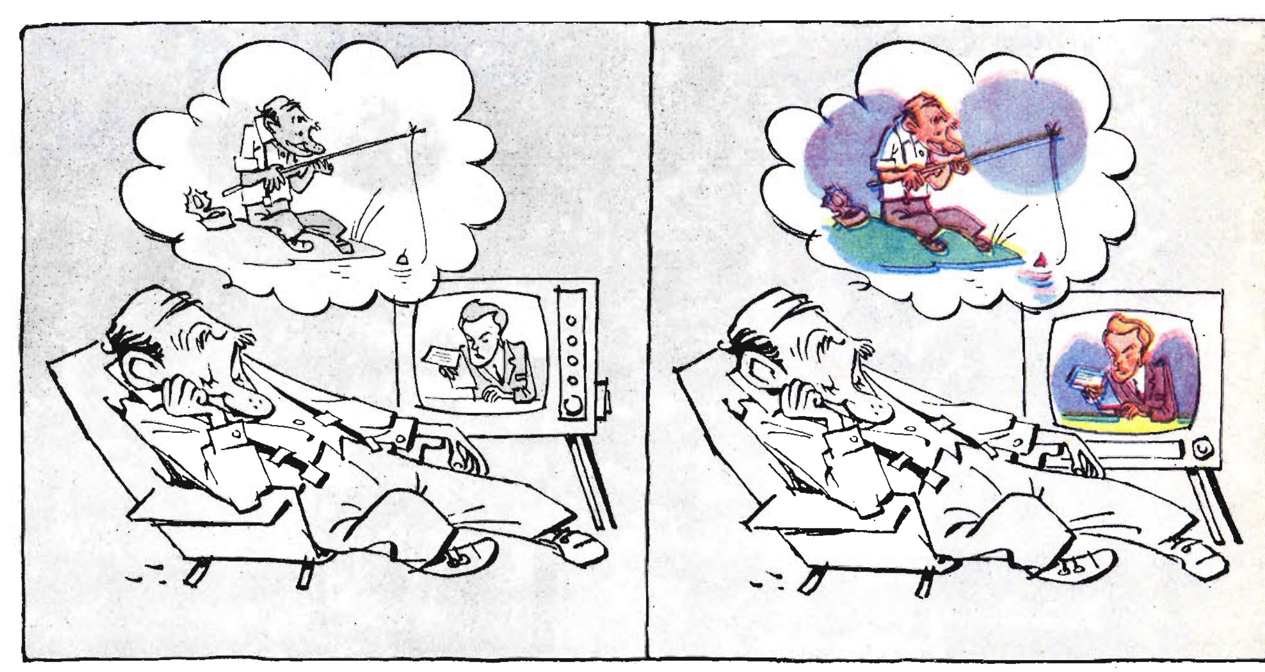
Старуха вскипела: «Ты спятил с ума!
Все деньги впустую потратил!»...
А дед ей — расписку: «Читай, мол, сама!
Еще неизвестно, кто спятил!..»

Старуха прочла — и ни слова в ответ:
Бумага с печатью не шутка!
Выходит, и вправду: она, а не дед,
Лишилась под старость рассудка...

С тех пор молочко, чертыхаясь со зла,
Старуха тайком приносила,
Но делала вид, будто доит козла...

Бумага — великая сила!

Раньше... и теперь. Рисунок Е. МИГУНОВА

УЛЫБКА 70

АХ, ЭТИ СИНИЕ ГЛАЗА!..

Именно такие глаза были у проводницы Клавы до того, как два пассажира, спешившие на южный курорт, не обнаружили в бельевом пакете полотенца и наволочки. И тогда синие глаза стали прозрачно-ледяными. И добрая фея превратилась в ведьму. Именно поэтому, когда пассажиры прибыли на курорт, у одного из них нашли в печени новый камень, а у второго — повышенную желчность.

Кроме этого поучительного рассказа, в киижке Владимира Евтушенко «Причуды железного петушка», издаиной Центрально - Черноземным издательством, есть и другие не менее любопытные истории. Скажем, про кузнечиков, которые завелись в бороде, или про зайца, попавшего в комбайн...

Думаете, так не бывает? А вы почитайте...

«КАРАУЛ, ГРАБЯТ!..»

Дело было так: поздней ночью возвращался Иван Иваиович домой, и пролегала дорога через пустырь... Что было дальше? Как из-под земли выросли три здоровенных парня и красноречиво окружили Ивана Ивановича...

Предугадав события и спасая свою драгоценную жизнь, мудрый Иван Иванович молниеносно скинул с себя пальто, пиджак, часы, опростал карманы и — наутек!

Трое — за ним, да куда уж им было угнаться за облегченным Иваном Ивановичем!

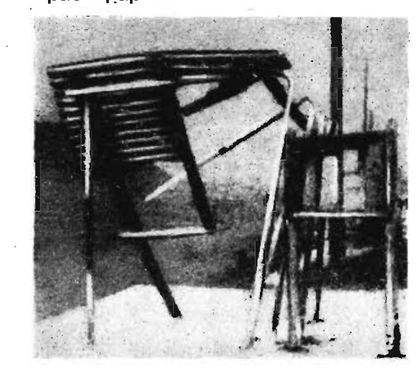
Когда утром потерпевший явился в милицию, там уже знали о случившемся и, сдерживая улыбки, выдали Ивану Ивановичу его вещи. Кроме коробка спичек. Почему кроме спичек, вы, наверное, уже и сами догадались «грабители» на самом деле хотели прикурить...

Если вы интересуетесь такого рода происшествиями, купите книжку Надежды Черепановой «Хорошая передача», вышедшую в Чувашском книжном издательстве, и читайте на здоровье.

по тому же поводу...

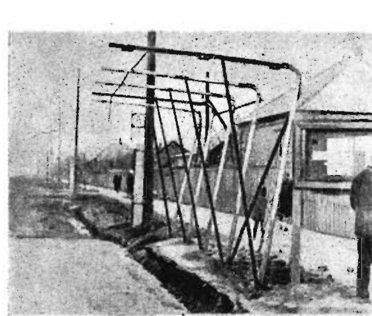
КАК ТЕПЕРЬ НАЗВАТЬ!

Ровно год назад (см. «Крокодил» № 17, 1969 г.) мы опубликовали снимок автобусной остановки возле улицы Сафонова в городе Краснодаре

и письмо читателя А. Щербы, который предлагал назвать этот шедевр абстрактной архитектуры так: «Безразличие городских властей к нуждам пассажиров».

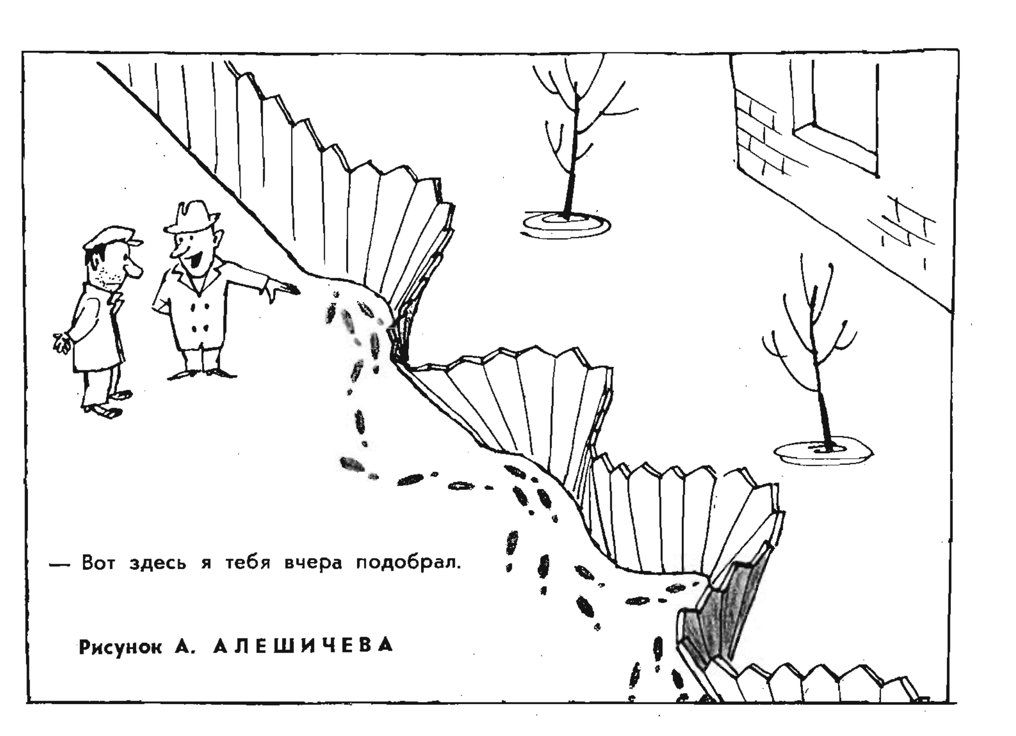
Городские власти не ответили на выступление журнала ввиду крайней занятости: они решили несколько реконструировать шедевр. Работа закипела. Остатки крыши были сняты, стойки выправлены, а под ними прокопана траншея. В таком виде, как свидетельствует снимок, сделанный другим нашим краснодарским читателем, В. Поляковым, остановка красуется и по сей день.

Как назвать эту конструкцию теперь? «Меры приняты?» Или «Ни дна, ни покрышки»? А, может, у краснодарских горисполкомовцев есть на примете еще более подходящее название?

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Вот здесь я тебя вчера подобрал.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«1 и 2 апреля часовая работать не будет, часовой уехал за запчастями».

Прислал П. Большов, курорт Кульдур.

«Рекордсмен мира Василий Алексеев во время разминки в гостях у тещи».

Газета «Коммунист», Жирновский район, Волгоградской области.

Пользуйтесь!
Гладкой утюга, пуговицей и иголкой с ниткой

(Объявление в бане.)

Фото А. Венгеровского, г. Копейск.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В СВЯЗИ ГАЗОПРОВОДОМ ПРИРОДНОГО ГАЗА ПРОРЫТЫ ТРАНШЕИ ДО ГРУППОВОЙ УСТАНОВКИ, ПО УЛ. КУРСАНТОВ 26, ГАЗ ЗАЛИВАТЬСЯ НЕ БУДЕТ ДО УСТРАНЕНИЙ ПОДЪЕЗДА, ГРУППОВОЙ УСТАНОВКИ, ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРИПИСАНИЕ ГОС.ТЕХ.НАДЗОРА ГОРОД СИМФЕРОПОЛЬ. ГОРГАЗ.

Прислал В. Леонтьев, г. Севастополь.

«Я, Круглов В. М., не выходил на работу с 22 по 26 число по неуважительной причине. С друзьями и девушками мы находились в это время на квартире у одной знакомой, где меня буквально держали за руки и всячески отговаривали от работы».

Копию снял М. Райцев, г. Ленинград.

«...улучшить племенную работу, создать племенное ядро скота, выделив в него лучших животноводов по происхождению и продуктивности».

Газета «Знамя Октября», Зианчуринский р-н, Башкирской АССР.

КРОКОДИЛ
№ 17 (1955)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, А. Груиии, В. Жаринов, В. Каневский, А. Семеиов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Узбяков, М. Ушац, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 2/VI 1970 г. А 00093. Подписано к печати 10/VI 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 750 000 экз. (1 завод: 1—4 4186500). Изд. № 703. Заказ № 1624.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70 448

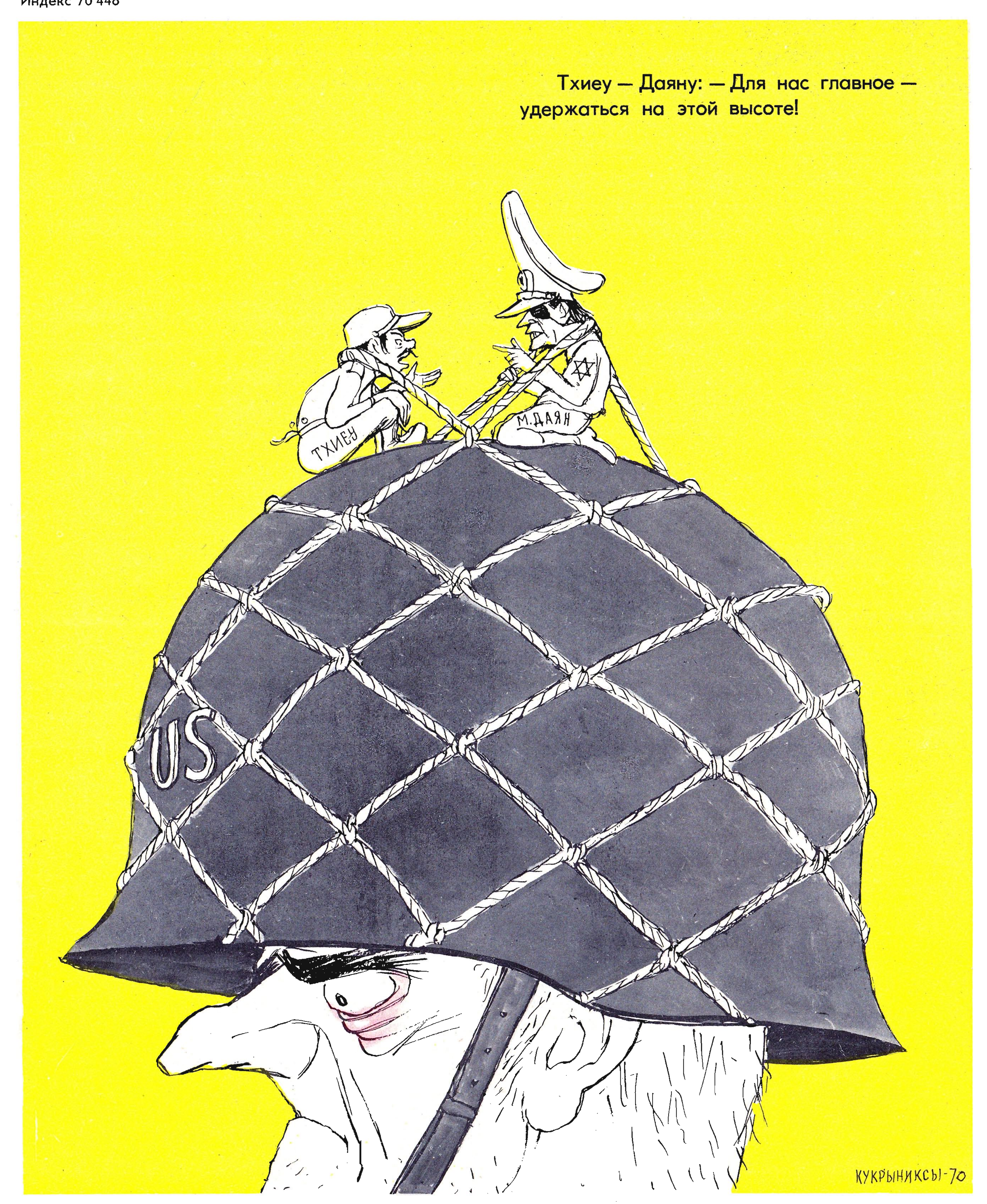

Рисунок КУКРЫНИКСЫ